
ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1948
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В гостях у дедушки.
Фото О. Кнорринга

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 1 (1074) 4 ЯНВАРЯ 1948

26-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НОВОСЕЛЫ БЕЛОРУССИИ

Ни одна из республик Советского Союза, ни одна из европейских стран не вышла из войны с такими страшными разрушениями, как Белоруссия. Подсчитано, что ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству БССР, превышает 75 миллиардов рублей. Только в сельских местностях оккупанты сожгли и разрушили более одного миллиона двухсот тысяч строений. Целые районы превратились в «зоны пустыни». Люди, лишившиеся крова, вынуждены были жить в землянках.

Белорусский народ, героически сражавшийся с врагом в годы войны, ныне борется за возрождение своей республики, ее хозяйства и культуры. Встают из пепла города и села. С помощью братских республик и прежде всего РСФСР, при огромной поддержке Союзного правительства и лично товарища Сталина, белорусы залечивают тяжелые раны войны.

Партия и правительство уделяют особое внимание жилищному строительству в белорусской деревне. Этому строительству придан большой государственный размах. Лишившимся крова колхозникам отпускается бесплатно лес, выдаются кредиты. В разоренные деревни и села направлено огромное количество стекла, гвоздей, печного литья и др. Колхозы создали сотни строительных бригад. На помощь им приехали из городов бригады рабочих.

Новый, 1948 год около двух миллионов белорусских колхозников встретили во вновь отстроенных домах.

На снимке: колхозник Василий Ивков со своей семьей переселяется из землянки в новый, просторный и светлый дом, который построил для него колхоз «Октябрь», Суражского района, Витебской области (см. в номере фотоочерк «Там, где была «зона пустыни»).

Фото М. Трахмана

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Вл. ДМИТРЕВСКИЙ
Специальный корреспондент «Огонька»

Народ пришел встречать Новый год в сборочный цех, где в ярком свете ламп возвышался огромный магистральный паровоз «Л».

Был он очень красив: цилиндрическое маслянисто-черное тело, освобожденное от всяких лишних деталей. Строгие, летящие вперед линии придавали паровозу выражение стремительности даже и сейчас, когда он находился в полном покое. Глухой тендер органически сливался с паровозом, еще более удлиняя его.

Паровоз был самым желанным гостем этой последней ночи декабря 1946 года, и несколько сот людей — рабочие, мастера, инженеры, конструкторы,— толпившихся перед ним, ждали рева его гудка более нетерпеливо, чем в новогоднюю ночь ждут гулкого двенадцатого удара часов.

Всего три года прошло с тех дней, когда несколько стариков-литейщиков, работая под открытым небом, среди неописуемых развалин завода, буквально сорванного войной с лица земли, выдали первую плавку чугуна. Из чугуна была отлита статуя Ленина. Ее установили на центральной площади освобожденного города Бежицы вместо той, которую уничтожили немцы.

Тогда некоторым казалось, что не найдется, пожалуй, таких сил, которые смогли бы поднять из руин завод. На обширной площади, обнесенной рядами порыжевшей колючей проволоки, лежал изувеченный труп завода. Его нужно было восстановить и оживить. Такая задача требовала от строителей гигантского напряжения. По сути дела, завод надлежало строить заново.

Но Родина сказала: «Долг ваш — не только восстанавливать свой завод, но и выпускать готовую продукцию». В разрушенных цехах должны были создаваться паровозы, еще более совершенные и мощные, чем выпускавшиеся Брянским заводом до войны.

Таким паровозом, воплотившим в себе самые передовые технические идеи советских машиностроителей, был тяжелый магистральный паровоз серии «Л», сконструированный на Коломенском заводе. Его-то и начали строить брянские паровозостроители буквально под открытым небом.

Ленин писал: «Социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно **широко**, действительно в **массовом** размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами».

Брянские паровозостроители действительно сумели развернуть все свои способности и обнаружить таланты... В условиях, совершенно исключительных по своим трудностям, они не только освоили строительство паровоза нового типа, но и создали для него тендер «П-33», спроектированный конструкторским бюро в 1946 году.

И вот наступает канун нового, 1948 года. К нему деятельно готовятся в цехах, лабораториях и мастерских Брянского паровозостроительного завода.

— Что ж, опять будете встречать Новый год в гостях у паровоза «Л»? — шутливо спросил я Петра Акимовича Ланцова, главного инженера завода.

— Ну, нет. Это уже пройденный этап, — отвечал он, улыбаясь.— Наш сборочный цех не вместил бы в своих стенах гостей, если бы мы захотели пригласить на новогодний вечер все паровозы, выпущенные заводом в 1947 году. Они уже проверены, обкатаны и, между прочим, победили в соревновании «знатного» гостя из-за океана.

Ланцов рассказал, что на сравнительных эксплоатационных тягово-теплотехнических испытаниях советский паровоз «Л» показал полные преимущества перед однотипным «ЕА», построенным в США. В одинаковых условиях эксплоатации по наиболее тяжелому профилю «Л» возил составы, бо́льшие по весу, чем «американец». Во время испытаний на затяжных подъемах наш паровоз развивал скорость, на 30 процентов большую, чем «ЕА»! Паровоз «Л» развивал мощность в 2260 лошадиных сил против 1900 лошадиных сил — максимальной мощности американского паровоза и т. д.

В разговор вступил инженер-конструктор В. А. Климук.

— Разрекламированное американское паровозостроение — не более как блеф,— сказал он резко. — И жаль, что некоторые наши паровозостроители, снимая шапку перед американцами, не удосужились оглянуться назад. Возьмите хотя бы историю с сочлененными паровозами, которыми так кичится Америка. Ведь первые сочлененные паровозы были спроектированы и построены в 1898 году не в США, а именно на нашем Брянском заводе для Московско-Казанской железной дороги. В 1900 году один из них был экспонирован на Всемирной выставке в Париже, и у американских мистеров разгорелись на него глазки. Купили они у нас один такой паровоз, тщательно изучили его работу в эксплоатационных условиях и перенесли наш опыт к себе в страну.

Зашла речь о том, как завод будет встречать новый, 1948 год...

Ланцов взял со стола и протянул мне предмет, напоминающий половинку продольно разрезанного артиллерийского снаряда малого калибра.

— Это колпачок пароперегревательных элементов паровоза, — пояснил он. — И колпачок и отводы к нему раньше вытачивались. Технологи наших металлургических цехов разработали и освоили штамповку колпачков и высадку отводов пароперегревателей. Не

Я желаю...

В канун нового года принято высказывать свои пожелания. Чего желают советские люди в новом, 1948 году?

Главные наши пожелания записаны, как закон, в Сталинском пятилетнем плане.

Воля советских людей опережает время, и их стремление выполнить пятилетку в четыре года вылилось во всенародное движение, под знаком которого мы вступаем в новый год. Советский человек живет интересами своей страны, её политикой. Его волнуют все стороны жизни и деятельности советского народа. Это большие интересы, большие желания...

Редакция «Огонька» вместо традиционного новогоднего интервью обратилась к ряду советских художников с просьбой изобразить свои пожелания к новому году. И вот что с карандашом или кистью в руке пожелали наши известные мастера.

Я ЖЕЛАЮ...

...чтобы бессмертный Ленин, как всегда, был с нами во всех делах, чтобы его непобедимое знамя осеняло советский народ в борьбе за счастье человечества.

П. ВАСИЛЬЕВ

велика штучка — колпачок! Умещается у вас на ладони, а дело важное! Штамповка в несколько раз снижает расход металла. Но это, конечно,— не главное... Сейчас я пойду в цех, и вы, если хотите, можете пойти со мной, чтобы нагляднее представить себе грядущую встречу Нового года.

Мы прошли через проходную и оказались на территории завода. Она напоминала строительную площадку. Ровные проспекты бежали вперед, а по обеим сторонам их вздымались гигантские серые корпуса, еще не достроенные, но уже господствующие над пустыми коробками и обломками стен, раздробленных в годы войны. На пустырях лежали строительный материал и старое оборудование, замененное более совершенным и мощным.

Вот оно, это обширное светлосерое здание, под застекленной крышей, здание, занимающее 13 600 квадратных метров площади. Одних железных конструкций, изготовленных здесь же, на заводе, пошло на него до 600 тонн!

Мощный этот блок вспомогательных цехов — совсем не плохое место для встречи Нового года!

Рабочие и инженеры, готовящиеся праздновать новоселье, шутя говорили мне, что предпочитают залы блока розовому и голубому залам отличного кинотеатра, отстроенного в Бежице к 30-летию Октября.

Глядя на блок, нетрудно было мысленно дорисовать панораму полностью восстановленного и построенного по совершенно новому проекту Брянского паровозостроительного завода, чья производственная мощность к концу пятилетки будет в несколько раз превышать прежнюю, довоенную мощность завода.

Если зайти в любой из многочисленных цехов завода, поговорить с конструкторами, металлургами, технологами, встретиться с инженерами, мастерами, старыми и молодыми рабочими, откроется горячая и страстная душа завода.

Не только вернуть утерянное. Не только восстановить, но и улучшить. Не только добиться прежних производственных мощностей, но и намного превысить их, если еще не сегодня, то обязательно завтра...

Когда главному конструктору завода Петру Ароновичу Аронову пришлось в 1944 году создавать конструкторское бюро, не было ни людей, ни библиотеки, ни необходимой литературы.

П. И. Аронов и В. А. Климук обучали молодых инженеров, не имеющих еще опыта паровозостроения. Ныне вокруг Аронова собрался крепкий коллектив талантливой молодежи: Клавдия Власовна Евсеева, Семен Захарович Косовский, Иван Иванович Меднов и др.

Это они создали экспериментальную мастерскую, подготовили кадры высококвалифицированных рабочих для нее, спроектировали тендер «П-33» к паровозу «Л». Это они — ну да, я решаюсь выдать их мечту, чтобы многие советские люди могли поднять новогодний бокал за ее скорейшее осуществление, — мечтают о создании советского паровоза совершенно особого типа, с максимально повышенной экономичностью. А ведь известно, что экономия только одного процента угля на железных дорогах сохранит государству около тридцати миллионов рублей в год!

Поднимем же за эту благородную мечту наши новогодние бокалы, друзья, и пожелаем успеха конструкторам Брянского завода!

Поднимем также бокалы за весь его коллектив... За стариков-рабочих: литейщика Ивана Михайловича Сахарова, токаря Василия Сергеевича Посылкина, фрезеровщика Василия Алексеевича Савкина, слесаря Николая Петровича Акимцева и других. За тех, кто более пятидесяти лет пробыл в строю и вооружил безграничной любовью к своему заводу и уменьем тысячи молодых рабочих, которые строят ныне завод и выпускают паровозы с красным флажком на трубах...

г. Бежица.
Декабрь 1947 года.

Я желаю...

...чтобы весною новые тысячи тракторов пришли на наши колхозные пашни.

А. ГЕРАСИМОВ

...чтобы каждый день нового, 1948 года крепил союз нерушимый республик свободных, сталинскую дружбу и морально - политическое единство советского народа.

К. ЮОН

...чтобы в 1948 году наша Родина салютовала выдающимся победам на трудовом фронте, как салютовала прежде победам на фронте военном.

П. МАЛЬКОВ

ЧТО ПОКАЗАЛА ЖИЗНЬ

ПО ПОВОДУ ОДНОГО СПОРА С ЗАГРАНИЧНЫМИ ГОСТЯМИ

Фото Н. Колли

В колхозном-зернохранилище. Бригадир полеводческой бригады З. М. Тымко (слева) и звеньевой В. М. Талаш проверяют качество семян.

Весной прошлого года наш колхоз посетили две делегации — американская во главе с бывшим директором американской информационной службы в Советском Союзе господином Уиллис и английская во главе с господином Маклаут. В составе делегаций были политические деятели, специалисты сельского хозяйства и представители культуры. Фамилии всех гостей я, к сожалению, не сохранил в памяти, хотя некоторые из них могли бы запомниться уже потому, что они оказались людьми наиболее недоверчивыми и решительно во всем сомневающимися.

Собственно говоря, поводы для сомнений у наших гостей безусловно имелись. Делегации приезжали в колхоз в самую трудную для нас пору, когда на всем нашем хозяйстве сказывались последствия войны и прошлогодней засухи. Гости были свидетелями недостачи продовольствия, фуража и многих других нехваток, слишком очевидных даже и для постороннего глаза. Они видели, в каком плохом состоянии находился колхозный скот после зимней бескормицы. Один из гостей, заглянув на конюшню, не удержался от остроты: «Разве это кони?—сказал он насмешливо.— Это кошки. Они проскочат сквозь хомут, не задев его ногами».—Да, кони были в самом деле сильно истощены, и гости были вправе усумниться в том, что на таком тягле колхоз сумеет обработать почти тысячу гектаров земли. Помнится, они только пожали плечами, услышав про тысячу гектаров. Не могу быть слишком строгим: никто из них попросту не состоял никогда в колхозе.

Гости подробно знакомились с делами артели, вникали во все отрасли хозяйства, присматривались к быту. Некоторые с пристрастием допрашивали колхозников, что они готовят на обед, с подозрением принюхивались к запаху борща, ощупывали одеяла, желая убедиться, есть ли под ними простыни. С тех пор всякого чересчур любознательного человека колхозники стали называть «американцем». В шутку, конечно.

В застольной беседе, за рюмкой, люди становятся откровенней. Должно быть, поэтому все самые острые споры с гостями происходили у нас за обеденным столом. Вот об одном таком споре я и вспоминаю сейчас.

Речь шла о нашем желании восстановить хозяйство артели в его довоенном виде и о возможных сроках такого восстановления. В последнем пункте мы сильно разошлись с гостями. Они полагали, что в лучшем случае нам понадобится для этого три—четыре года. Так считала, например, супруга господина Маклаут, агроном по специальности, и потому понимающая толк в сельском хозяйстве. Гостям, более скептически настроенным, даже и этот срок казался слишком коротким.

Мое утверждение, что довоенный уровень хозяйства может быть достигнут нами этой же осенью, вызвало улыбки и ироническое замечание по поводу того, что вот, мол-де, смотрите, у них даже деловые люди становятся неисправимыми фантазерами. Я услышал намек на мои пропагандистские способности, излишние будто бы в моем положении председателя колхоза. Я заметил тогда, что, к сожалению, мне не довелось учиться в школе пропагандистов, но зато я прошел хорошую колхозную школу, которая позволяет мне быть оптимистом, не теряя трезвости в оценке вещей.

Признаюсь, меня удивила несколько манера некоторых наших гостей. Когда им показывали худой скот, они не находили, что это делается в целях пропаганды. Но стоило мне заикнуться хотя бы словом касательно наших перспектив, гости решали, что это больше похоже на агитацию, нежели на серьезное дело. Одной деловитостью такой манеры не объяснишь.

Но вернемся к предмету спора. Говорят: время — лучший судья. Время и рассудило нас. Теперь, когда мы подвели итоги года, я могу сообщить всем нашим гостям, сомневающимся и сочувствующим: **довоенный уровень колхозом достигнут.** Хозяйство артели находится на той же высоте, на какой находилось оно в 1940 году. Мы восстановили в полях свой довоенный севооборот и сеем снова только по зяби и по парам. До войны мы засевали 2200 гектаров земли. Теперь наша земельная площадь, освоенная под посевы, на пятьдесят гектаров больше. В 1940 году колхоз имел 250 голов скота. Столько же у нас и сейчас. Общественных и технических построек сейчас в колхозе больше, чем было до войны. В 1940 году на трудодень колхозника приходилось три килограмма хлеба, столько же выдано на трудодень нынешней осенью. Хлеба, овощей, кормов для скота колхозникам хватит больше, чем до нового урожая. За морями любят язык цифр. Этим языком я и пользуюсь, без всякого намека на пропаганду.

— Ага,— скажет кто-нибудь из рода ни во что не верующих,— колхоз-то, повидимому, показательный. Недаром его иностранцам показывают!

Во-первых, прошу не забывать о лошадях: мы их не специально для показа держали тощими. А во-вторых, просим заглянуть к соседям. Например, в колхоз имени Петровского. Он тут же, на другом конце села, и в нем вместо трех килограммов на трудодень, которые выдавали в сороковом году, выдали нынче четыре килограмма. Или в колхоз «Жовтень» села Русаново. Можно и в соседний с ним колхоз имени Сталина. Там такая же довоенная картина с трудоднями. Трудодень же, как всякий понимает,— лучший выразитель состояния всего хозяйства. Нет, к сожалению, наш колхоз «Червона Украина» не показательный, есть и более образцовые и более богатые. Но плакаться, впрочем, и нам грешно.

Надо же, однако, объяснить гостям: как так случилось, что всего за каких-нибудь полгода бедствующий колхоз, который они посетили, встал на ноги, покончил с разорением в

Председатель колхоза «Червона Украина» М. И. Винарский, автор статьи «Что показала жизнь».

Звеньевая Н. И. Ярко с дочерью. Обе учатся: дочь готовит школьные уроки, мать изучает сельскохозяйственные науки.

хозяйстве и с нуждой в быту. А война порядком-таки разорила нашу артель. Весь скот был угнан немцами. Все машины вывезены. Много колхозных строений сожжено. Мы начинали свое послевоенное возрождение почти что на пустом месте. Только хаты, по счастью, уцелели. Засуха же, не будь мы в колхозе, могла бы оказаться пострашнее войны.

Гости имели возможность убедиться, как помогло нам государство. Весной, когда казалось, что засеять поля колхозу будет нечем, когда на исходе было все: и продовольствие и фураж,— государство выдало нам в виде ссуды пять тысяч пудов посевного материала, две тысячи пудов продовольствия и тысячу пудов фуража. Неожиданные заморозки в апреле погубили посевы озимой пшеницы. Государство выдало вторую ссуду семян для пересева всей пораженной площади. Таким образом, в самое тяжелое для нас время мы сумели засеять всю пахотную землю.

Это гостям известно. Их сомнения шли по другой линии, по той, как могут изнуренные войной, не очень сытые люди, с «кошками» вместо лошадей и рухлядью вместо настоящих машин поднять такое большое хозяйство и получить высокий урожай?

Действительно, напряжение требовалось огромное. Кто понимает в сельском хозяйстве, тот может представить, сколько труда надо было вложить колхозу, чтобы трижды подкормить посевы на площади в полторы тысячи гектаров, заборонавать все эти поля, закатковать площадь, равную 700 гектарам, уничтожить бурьяны на площади в 500 гектаров. Без этого мы не получили бы настоящего урожая.

Я хочу напомнить нашим гостям, как они оценивали всходы зерновых и виды на урожай. Они были крайне удивлены, услышав, что мы собираемся получить не менее двадцати пяти центнеров с гектара на тех участках, которые мы тогда осматривали. Припоминают ли они, например, десятигектарные участки звеньевых Константина Руденко, Федора Бреуса и Нины Ярко? Это те самые поля, с которых сведущие в сельском хозяйстве гости предсказывали средний урожай не более 13—15 центнеров зерновых. Я могу сообщить теперь, что звено Константина Руденко собрало с каждого гектара по 28 центнеров, звено Федора Бреуса — по 27, звено Нины Ярко — по 24 центнера. А всего из 33 звеньев колхоза 25 собрали почти по 100 пудов с каждого гектара.

Гости, убеждаясь воочию в том, как энергично работают колхозники, не могли, однако, понять: откуда они черпают такие силы? Меня настойчиво расспрашивали о том, какими методами заставляем мы колхозников трудиться сверх обычного. Я сказал тогда, что вопрос поставлен неправильно, что нам нет никакой нужды прибегать к принуждениям. Я доказывал, что можно потребовать у колхозника выполнения установленной нормы, скажем, на пахоте или косовице, но никто не может требовать, чтобы он выполнял полторы или две нормы, если он сам того не захочет. Полторы — две нормы — это как раз те трудовые показатели, которыми поражали гостей многие наши колхозники. Сейчас я располагаю данными за весь год. Вот они: средняя выработка по колхозу составляет 300 трудодней на мужчину, при норме в 150 трудодней, и 130 трудодней на женщину, при норме в 80 трудодней.

Сдается мне, что подобные результаты не могут быть достигнуты средствами принуждения. Гостям, я думаю, лучше чем кому-либо об этом известно. Они бывали на американских и английских заводах.

Кто и как мог бы заставить наших конюхов Дениса Будя, Тимофея Шевель, Ивана Османа, Николая Проценко и других выхаживать скот при том остром недостатке кормов, который мы испытывали? Ведь им приходилось бесконечно комбинировать рационы, доставать где-то и неизвестно какой ценой лишний центнер сена, чтобы продержать скот до получения государственной фуражной ссуды. Я бы назвал труд конюхов в тех условиях самоотверженным. Так и с урожаем. Мы не сняли бы и половины того, что сняли, если бы наши люди безразлично относились к судьбам колхоза и действовали бы по старому принципу: «Моя хата с краю, я ничего не знаю».

Нашим гостям трудно было бы найти объяснение поступку пожилого колхозника Василия Макаровича Талаша, того самого Талаша, который вместе с тремя сыновьями сражался на фронте, проделал весь путь от Сталинграда до Берлина, где и закончил войну, передав молодым солдатам свое орудие. Сам он после того вернулся домой восстанавливать артель. Ему предложили должность заместителя председателя колхоза. Но он пожелал стать простым звеньевым, работать, как он говорил, на земле и показать молодежи, как надо добывать настоящий урожай. Талаша никто не принуждал к такому поступку. Наоборот, как мы ни убеждали его, он стоял на своем. Он взялся собрать с каждого гектара своей площади по 30 центнеров зерна — и собрал. Тогда ему снова предложили стать заместителем председателя колхоза. Он ответил:

— Я научил выращивать 30 центнеров с гектара. Теперь я должен доказать молодежи, что можно собирать 40...

Не есть ли это ответ на вопрос: откуда мы черпаем силы?

Я вспоминаю еще один эпизод из наших трудовых будней. С началом жатвы колхозные старики стали осаждать правление колхоза, требуя, чтобы их послали в поле, хотя, согласно Уставу сельхозартели, они могут не работать. Пришел Павло Хан, Харлампий Таран, Андрей Стасюк. Каждому из них давно перевалило за 70 лет. Они потребовали включить их в бригады косарей. Затем пришли Тихон Будко, Автоном Хан — 80-летние деды, тоже пожелавшие выйти в поле. Я и другие члены правления доказывали старикам, что людей для уборки хватит. Но старики и слушать не хотели. Тридцать пять колхозников в возрасте от 70 и до 85 лет добровольно участвовали в жатве, и каждый из них выработал не менее 100 трудодней.

Я знаю, что наши гости — деловые люди, что им больше понятен язык фактов, точных данных. Я готов дополнить свой ответ точными данными и фактами из прошлого и настоящего нашего села Гоголево.

До революции в Гоголево не было ни одного человека со средним образованием. За годы советской власти 200 человек из нашего села получили высшее образование и 476 — среднее. До организации колхоза у нас была начальная школа на 40 учеников с одним учителем. Теперь у нас три школы, в том числе одна десятилетка. В трех школах работают 44 учителя и обучается 1200 детей. Раньше в Гоголево не было даже медицинского пункта. Сейчас у нас есть аптека, поликлиника, больница, в которых работают восемь врачей и четырнадцать человек среднего медицинского персонала. До колхоза у нас не имели представления об электричестве. Теперь электричество не только освещает дома колхозников, но и заменяет собой человеческий труд. Восемь моторов приводят в движение молотилки, веялки, соломорезки, сепараторы и другие агрегаты. До революции лишь староста и полицейский выписывали по одной газете. Сейчас колхозники выписывают почти тысячу экземпляров газет и журналов. За последние восемь лет село дало стране 8 инженеров, 13 агрономов, 45 учителей, 35 офицеров, 5 научных работников.

Мы построили два клуба на тысячу с лишним мест. В одном из них господин Маклаут с супругой успели посмотреть постановку пьесы украинского драматурга Александра Корнейчука «В степях Украины». Помнится, супруге господина Маклаут не понравилось название одного представленного на сцене колхоза. Он назывался «Смерть капитализму». Но что же делать, если колхозная жизнь действительно убивает все темное, невежественное, по-человечески несправедливое, что присуще капиталистическому строю и что существует у нас лишь в виде не изжитых еще остатков прошлого.

Может быть, кому-нибудь из наших гостей доведось читать произведения великого кобзаря Украины Тараса Григорьевича Шевченко. Есть у него поэма под названием «Сотник». Она имеет прямое отношение к нашему селу. Шевченко, следуя в ссылку, проходил этапом через Гоголево. Его внимание привлек единственный дом, который был под железной крышей. Шевченко узнал от крестьян, что этот дом принадлежит сотнику. Так родилась поэма. Железная крыша, которую видел ссыльный поэт, оставалась единственной в селе до самой революции. А теперь в Гоголево более 500 домов, крытых железом, и ни одного сотника. Не правда ли, любопытный жизненный штрих?

Наши старики как очевидцы и пострадав-

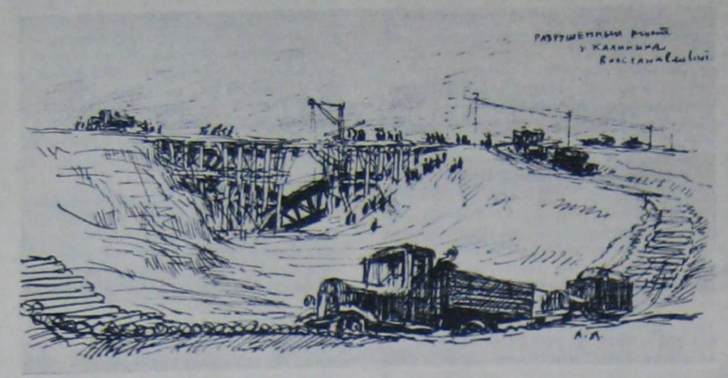

Колхозница Г. Ф. Кулиш получает зерно по трудодням. За семь месяцев она заработала 7 центнеров хлеба, 7 — картофеля, 400 килограммов овощей, 1000 рублей деньгами.

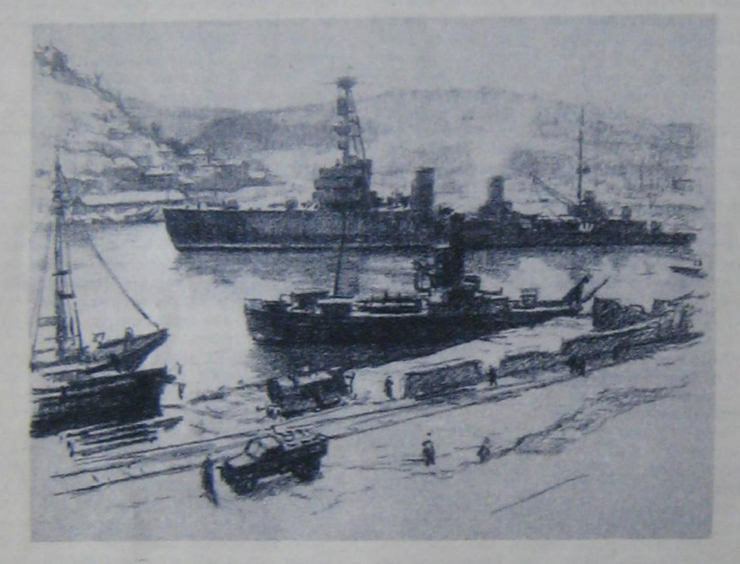
Колхозные мастера высоких урожаев готовятся к весеннему севу. Агроном В. Г. Торгунский (в центре) проводит агробеседу о выращивании высокосортной пшеницы.

Я желаю...

...чтобы в 1948 году последние раны войны были залечены всеисцеляющим трудом советских людей.

А. ЛАПТЕВ.

...чтобы встал из развалин новый Севастополь — гордость советских моряков.

Ф. БОЧКОВ.

шие, могут вспомнить историю передела земли в селе. Земля, на которой сейчас расположены наш колхоз и соседний колхоз имени Буденного, была отдана помещикам Красовскому и Вишневскому, а крестьянам отвели бросовые земли, почти непригодные для возделывания. Крестьяне заволновались. Для «успокоения» их прибыл конный отряд жандармерии, и на сельской площади была организована массовая публичная порка крестьян. Двенадцать человек сослали тогда в Сибирь.

Я думаю, что этих данных и фактов достаточно, чтобы понять, почему крестьяне стоят горой за советскую власть, за колхозный строй и откуда они черпают силы для преодоления возникающих трудностей. Мы счастливы, по правде сказать, что капитализм остался у нас лишь на сцене театров и колхозных клубов.

Тогда же, за обедом, наши гости заявили, что они имеют представление о русском крестьянине, что они читали Толстого, Тургенева, Некрасова и будто эти великие русские писатели помогли им разобраться в характере нашего крестьянина, узнать склад его души. Мы ответили гостям, что если бы они хотели воспользоваться этими своими познаниями, им следовало бы приехать к нам в село, по крайней мере, лет тридцать назад. Не мудрено, что такое опоздание поставило гостей в затруднительное положение. Они искали в нас то, что стало далеким прошлым. Даже самым любознательным из них не удалось заглянуть туда, куда заглядывать постороннему человеку не так просто,— в душу советского колхозника. А она могла бы открыть глаза на многое.

Мешало гостям и то, что они ставили вопросы так, будто находились не в колхозе, а в хозяйстве фермера, и оценивали события с точки зрения того же фермера. С такой меркой у нас ничего не измеришь: она слишком коротка. Нашу же мерку, мерку советского человека, гости применить не могли. Получилось, как в старинной украинской поговорке: «У лісі був, а дров не бачив».

Должно быть, отсюда все агрономические и хозяйственные просчеты гостей. Отсюда и неудачное предсказание сроков восстановления колхоза.

Я надеюсь, что один из наших гостей, господин Уиллис, поймет желание, которое побудило меня написать эту статью. Мне хотелось продолжить наш разговор. Тогда, между прочим, мы говорили о правдивости информации, поскольку беседа велась с директором американской информационной службы в Советском Союзе. Помните, господин Уиллис, как вы сказали мне, что напишете правду о нас? Вы попытались выполнить свое обещание. Но что из этого получилось? Вас попросту сместили с поста и предложили вернуться в Америку. Я читал ваше заявление в связи с этим, напечатанное в нашей центральной газете «Радяньска Украина» от 19 апреля прошлого года. Вы заявили, что сотрудники американского посольства в Москве, строящие свою репутацию и карьеру на ненависти к русским, препятствовали передаче какой-либо информации в США, которая могла быть расценена как благоприятная в отношении Советского Союза. Мне таких препятствий никто чинить не будет, и я надеюсь, что эта моя статья дойдет до вас, хотя бы через наш советский журнал.

Иным способом получения правдивой информации, повидимому, ваши соотечественники не располагают. Откуда ж ей быть, если после вашего отъезда, например, наш район посетил еще один американский корреспондент. Покрутился он в колхозе, забежал на ферму, что-то спросил не очень внятное, потом выпил стакан водки и отбыл. И появилась статья с такими небылицами, что мы диву дались: как всевышний мог наградить человека таким свинством и бесстыдством! Хорошо, что наши люди знают пословицу: «Собака бреше на сонце, а сонце все-таки світить!»

Перед отъездом гости просили меня найти способ, чтобы ответить на два вопроса: с чем придет колхоз к концу года, и что он наметит в качестве перспектив на будущий год? На первый вопрос я почти ответил. Могу только прибавить, что в октябре и ноябре у нас в колхозе было сыграно 28 свадеб. Это были пышные, по-настоящему богатые свадьбы. Причем свадебные катания мы устраивали на тех же самых лошадях, которые гость-шутник изволил называть «кошками». «Кошки» эти доставляли родственников женихов и невест за час из села, отстоящего за 15 километров. Жаль, что никому из заморских гостей не довелось прокатиться!

Еще одно добавление по поводу демократии, о которой гости так много расспрашивали весной. У нас надняx проходили выборы в местные Советы депутатов трудящихся. В селе было создано 42 избирательные комиссии по выборам в сельский, районный и областной Советы. 159 колхозников, из которых 149 беспартийных, входили в состав этих избирательных комиссий. От нашего села в местные Советы избраны 32 депутата. Кто они? Стахановцы — звеньевые, бригадиры, конюхи, свинарки, пахари, сеятели. Это люди, много сделавшие для восстановления и развития колхоза. Теперь они будут заботиться об этом как депутаты.

О наших перспективах скажу коротко. В нынешнем году мы затратим на расширение и дальнейший подъем хозяйства миллион рублей. По сравнению с минувшим годом на трудодень будет выдано в два раза больше продуктов. Мы закупим новых десять моторов и механизируем все виды производства. Колхоз приобретет еще три автомашины, построит новые коровники, свинарники, ветеринарный лазарет, еще одну баню, водопровод. С помощью государственного долгосрочного кредита мы уже приступили к организации фермы чистопородных русских рысаков и в будущем году закончим ее комплектование.

Таковы вкратце наши ближайшие планы.

Как видим, время решило спор с иностранными гостями в нашу пользу. Возможно, что некоторым из них и это все покажется похожим на пропаганду. Что ж, очень хорошо, если живая действительность пропагандирует наше правое дело. Но в таком случае упрек надо адресовать не мне, а самой жизни.

Михаил ВИНАРСКИЙ,

председатель колхоза «Червона Украина», Броварского района, Киевской области.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Евг. РАТНЕР

1. ИОГАН ВЕРИТ В СВОИ РУКИ

Ни разу за всю долгую жизнь не праздновал Иоган Роосар дня своего рождения. В семье батрака Яна Роосара Иоган появился на свет седьмым. Его рождение никак нельзя было назвать праздником: седьмой рот — радости в этом мало.

Когда Иогану пошел восьмой год, отец сказал ему:

— Ты уже не маленький. Понял?

Иоган вытер нос и, стараясь смотреть отцу прямо в глаза, вымолвил:

— Понял.

Когда Иогану было за двадцать и он уже несколько лет проработал в кузнице у помещика в Вирумаа волости, случай заставил его уехать в Таллин; поступил там Иоган кузнецом на вагоностроительный завод «Двигатель», женился, обзавелся семьей и решил навсегда остаться в городе. Ему нравилась работа на заводе.

— Это не лошадь подковать,— говорил он жене.— Тут настоящая работа. А потом, гляди, и в мастера выбьешься.

Иоган был коренастый, широкоплечий. У него были могучие руки с огромными ладонями. Он верил в свои руки. Иоган мог сделать все: у него была сила и любовь к труду. Уж кто-кто, а он не сомневался, что пробьет себе дорогу.

2. ЗАПИСИ В СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Старая, школьная тетрадь. Рукой, не привыкшей к перу, в ней сделаны скупые записи. Охватывают они значительный период, а занимают лишь несколько страниц. Это своеобразный дневник Иогана Роосара. Странно, но факт — кузнец вел дневник. Отнюдь не страсть к литературным занятиям толкнула его к этому. Вышло так, что человек, с детских лет привыкший к беспрерывному труду, остался без работы. Слишком часто нечего было делать.

Первая запись относится к 1927 году:

«Сегодня мне — сорок пять. В мастера так и не вышел. А когда-то думал: в сорок обязательно буду мастером. Какое там! «Двигатель» продали на железный лом. Такой хороший завод — на железный лом. Когда я пришел на него, там работало 4 тысячи человек. Потом осталось семьдесят рабочих. А теперь продали завод на лом, и я стал безработным. Вот уже второй месяц, как ежедневно обхожу все заводы города».

Запись, сделанная через год:

«Сезон поработал на строительстве дорог. Кузнецы нигде больше не нужны. Я готов стать хоть трубочистом».

Вот что писал Иоган Роосар в 1933 году:

«Мне уже за пятьдесят, а приходится бегать, как мальчишке. Иногда в газетах появляется объявление, что требуется рабочий. Толпы безработных дежурят возле контор. Когда газетчики выносят газеты, мы набрасываемся на них и прямо-таки вырываем газеты. Часто нет того, что нам нужно. А если есть, тогда наперегонки бежим к заводу. Первым мне ни разу не «посчастливилось» прибежать. До каких пор это будет продолжаться?»

Тридцать четвертый год:

«Имел две работы — в железнодорожных мастерских и на морском заводе. 7 месяцев и 16 дней работал. Теперь снова без дела. Хорошо, что хозяин согласился принять в рассрочку плату за комнату, правда, за это я ему заменяю дворника. Выросли сыновья, уже могли бы приносить пользу для семьи. Так где им найти занятие, если я, старый кузнец, не знаю, что со своими руками делать? Что ж это такое, неужели и сыны мои будут так мучиться, как я?»

Запись, сделанная в 1935 году:

«С Эрихом, Иоганом, Юрием и Энделем хожу на вокзал. Носильщики ругаются, говорят, мы у них работу отбиваем. Это правильно, но что делать? Больше всего мне жаль ребят. Хотя бы как-нибудь пристроить их. И сколько рабочих людей, таких, как я, вот так же мучается! Когда-то один умный человек говорил: «Собрались бы все рабочие люди, дали бы хозяевам по шапке и взяли бы все в свои руки: и заводы и землю».

3. ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

В начале 1940 года в Эстонии все грозней нарастала волна народного гнева против буржуазных порядков. Рабочие понимали, что приближается час, который они так долго ждали. В это время Иоган Роосар неожиданно встретился с человеком, которого он не видел несколько десятков лет.

Это было на большом рабочем собрании. Иоган немного опоздал. В переполненном людьми помещении он уселся в уголке и начал слушать седовласого человека, говорившего спокойным, ровным голосом:

— У многих из нас целая жизнь за плечами. А разве мы жили? Прозябали мы. Прозябали без радости, без света, без надежды. И хотя

Я желаю...

...чтобы 1948 год стал большим годом нашей истории — новой вехой в нашем марше в будущее, на нашем пути к коммунизму!

П. КОРИН

...чтобы монументом в честь городов-героев страна запечатлела бессмертный подвиг народа в Великой Отечественной войне.

П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ

родились мы с вами десятки лет назад, мне кажется, что только еще предстоит день нашего рождения. И он близок, этот день, когда мы твердо станем на своей земле, как настоящие, полноценные люди.

Чем больше слушал Иоган, тем настойчивее сверлила голову мысль: где он видел и слыхал этого человека? Где? И вспомнил. Вспомнил и улыбнулся, потому что всегда приятны воспоминания о молодости, какой бы тяжелой эта молодость ни была.

После собрания Иоган подошел к говорившему.

— Вы не племянник старого кузнеца Хермана?—спросил он.

— Нет, не было у меня такого дядюшки.

— Значит, я ошибся. Приезжал к нам когда-то давно в Вирумаа волость молодой человек. Херман говорил, что это его племянник. Там его и арестовали. Показалось мне, что это вы. Давно это было, мог ошибиться.

— Нет, постойте, в Вирумаа волости меня действительно когда-то арестовали. Да, да, у кузнеца, забыл только, как его зовут. И вы были у него? Да, тогда, конечно, не было у вас этих морщин, седины. Ведь мы с вами почти однолетки... Ну, как вы жили, как живете?

— Да так вот, как вы говорили, прозябал. И работу за грош и голодную безработицу — все узнал. Сейчас вот кузнецом на заводе «Вега». Весы делаем. Можно сказать, повезло — не выгоняют на улицу. Правда, на всякий случай, хозяин каждые две недели проводит полный расчет. Сыновей тоже туда устроил. У меня их четверо: Эрих — сварщик, Юрий — слесарь, Иоган и Эндель — токари. Хозяин наш оборотистый — все время получает заказы, так что рабочих не сокращает. Но зато жмот первой марки. На всем старается нажиться. Заводские крыши в дырах — летом дождь капает на головы, зимой снег падает. Чтобы починить, упаси бог! В холода цеха не отапливают. В помещении хуже, чем на улице. Мне-то ничего, у меня всегда жарко, а вот станочникам прямо погибель: руки к станкам примерзают. Пробовали говорить хозяину, а он: «Кому не нравится, я того не держу. На улице сколько угодно вашего брата без работы!» Если заработаешь больше, расценку снизит. В общем правильно вы говорите: народ задыхается от горя. Пора кончать с хозяевами. И то, что сила и правда на нашей стороне,— это тоже вы правильно сказали. Мы это теперь чувствуем.

4. О ТОМ, ЧЕГО НЕ МОГЛО БЫТЬ ПРЕЖДЕ

Этот день — самый памятный в жизни Иогана Роосара — начался обычно. Утром, как всегда, вместе с Энделем он пришел на завод. В цехе, увидев старого приятеля, кузнеца Палтмана Пертеля, крикнул ему:

— Что, старина, поработаем сегодня, чтобы железо все время красным было?

— Да уж, конечно, а то нам краснеть придется!

Этими фразами они обменивались почти ежедневно. Старые кузнецы соревновались между собой.

К перерыву Роосар сделал две нормы и только достал из кармана бутерброд, как в цех вошло несколько работниц с цветами. Иоган удивленно взглянул на них. Чего это они в кузнечный цех с букетами?

А женщины, широко улыбаясь, направлялись прямо к нему. Протягивали цветы.

— Поздравляем вас, товарищ Роосар, с днем рождения, с 65-летием! — произнесли они хором. — Вас зовут на митинг.

— В честь чего это митинг?

— Да в честь вашего дня рождения.

— Ну довольно, выдумщицы!—произнес Иоган.— Я этого дня никогда не праздную.

Смущенный, вошел Иоган в сборочный цех с большим букетом астр, окруженный женщинами. И только старый кузнец переступил порог, как загремели аплодисменты. И, куда бы ни повернул он голову, всюду смотрели на него радостные, улыбающиеся лица.

Значит, правда, все собрались для того, чтобы поздравить его... Иоган почувствовал спазму в горле, на его глазах выступили слезы. И некуда было ему укрыться, чтобы никто не заметил этой слабости.

Председатель заводского комитета стал на большие весы, заменявшие трибуну, и, когда в цехе стало тихо, сказал:

— Митинг, посвященный 65-летию со дня рождения и 50-летию работы кузнецом нашего лучшего стахановца, товарища Иогана Роосара, считаю открытым.

И оказалось, что день рождения простого рабочего человека, который на протяжении всей своей жизни он и сам не праздновал, стал радостным событием для всего заводского коллектива.

Иогана приветствовали старые и молодые рабочие, главный инженер, юный ремесленник и даже всегда молчаливая вахтерша.

Потом прочитали приветствия от начальника Главного управления металлопромышленности Министерства местной промышленности Эстонской ССР товарища Виральда и от Эстонского совета профессиональных союзов.

В цех вбежала девушка из конторы.

— Министр просит Иогана Роосара к телефону!—крикнула она.

От неожиданности старик словно остолбенел. А со всех сторон уже неслось:

— Идите, Иоган, идите! Поговорите с министром!

По походке Роосара можно было определить, как он взволнован. Впервые в жизни вызывал его министр к телефону.

Через несколько минут Иоган вернулся.

— Зачем министр вызывал?—посыпались вопросы.

— Поздравлял,— переводя дыхание, вымолвил Иоган. — «От всей души, — говорит,— поздравляю, желаю, чтобы вы прожили еще столько же, потому что настоящая наша жизнь только началась. И пусть,— говорит,— молодежь у таких стариков учится, как нужно работать». Вот что сказал министр.

И снова зашумел цех, полетели одобрительные возгласы.

Потом на весы поднялся директор завода. Он был такой же приземистый и широкоплечий, как Иоган, но намного моложе старого кузнеца. На груди у него сверкали орден Славы и боевые медали.

— Приказ директора завода «Вега»,—произнес он громко. — Сегодня празднует свое 65-летие и 50-летний юбилей трудовой жизни известный стахановец Иоган Роосар. Товарищ Роосар еще в июле 1947 года выполнил свой личный пятилетний план и систематически выполняет нормы не менее, чем на 300 процентов.

Дирекция завода, завком, партийная организация и весь заводской коллектив желают Иогану Роосару много счастья, сил и здоровья, желают ему неутомимо идти вперед.

Прочитав приказ, директор подошел к старому кузнецу, обнял его и расцеловал.

— Это уже как сын поздравляю тебя, отец! — сказал директор завода Эндель Роосар.

Да, это был тот самый Эндель, младший сын Иогана, о судьбе которого когда-то так беспокоился кузнец; тот самый Эндель, который вместе с отцом и тремя братьями не так давно был здесь простым рабочим, всецело зависящим от хозяина.

В первый, короткий год советской власти в Эстонии им всем стало понятно: теперь они хозяева жизни. Когда началась война, Эндель и Юрий с благословения отца добровольно пошли на фронт.

Под Великими Луками Юрий погиб. Эндель тут же отомстил за смерть брата. Он подполз почти вплотную к немецкому пулеметчику, убившему Юрия, застрелил его и захватил пулемет. Потом Эндель был дважды ранен и демобилизован из армии.

В освобожденный Таллин он приехал, полный неиссякаемой фронтовой энергии. На другой же день пошли они с отцом на завод. Завод был безлюден, наполовину опустошен.

— Тут будто в доме, где умер родной человек,— тихо вымолвил Эндель.

Когда они вышли на улицу, Эндель сказал:

— Что же, отец, нужно оживлять «Вегу»!

Многих рабочих война разбросала по окраинам Таллина, но упорно разыскивали их Иоган и Эндель.

И вот завод ожил. Иоган пошел в кузнечный цех, Эндель стал к токарному станку. Но все, что делалось на заводе, глубоко волновало Роосаров: молодого и старого.

Эндель первым на заводе начал социалистическое соревнование, и одним из первых за ним пошел отец.

Иоган Роосар предложил штамповать детали, которые всегда ковали от руки. Это увеличило производительность в 12 раз. Выступ держателя тяги весов всегда делали из целого куска металла, Иоган стал его наковывать. Это значительно упростило работу.

Он завел себе новую тетрадь и часто вечерами просиживал над ней. В простые чертежи кузнец вкладывал свой богатый опыт и горячие мысли человека, почувствовавшего, что заводу нужны и его руки и его голова.

Это чувствовал не только старый Иоган. Вся трудовая Эстония, как никогда прежде, работала, думала, училась.

После работы, обложившись книгами, подолгу сидел Эндель за столом. То, что читал он, казалось бы, не нужно было обыкновенному токарю. Но разве теперь он токарь?

Живший отдельно старший сын Роосара — Иоган — пошел на курсы техноруков. Средний сын — Эрих,—скрывавшийся во время немецкой оккупации в лесах, поселился в центре сланцевого бассейна Кохтла-Ярве и поступил на курсы бригадиров-электросварщиков.

Каждый из них уверенно шел вперед.

И все же, когда в июле сорок шестого года Энделя назначили директором завода «Вега», старый кузнец был потрясен. Он слыхал, знал, что немало рабочих выдвинуто на высокие посты, но это как-то проходило стороной, не задевая его лично.

А вскоре пришел старший сын и сказал, как о чем-то совсем обычном:

— Знаешь, отец, я уже главный инженер завода «Гелиос».

А потом прибыло письмо от Эриха — он бригадир электросварщиков на строительстве сланцеперегонного завода.

— Вот ведь какое время пошло!—говорил старый Иоган.—Отец теперь перед сыновьями шапку снимать должен!

Но не такой это был отец, чтобы не поспевать за сыновьями. Всю жизнь он топтался на месте. Теперь он хотел шагать широко и твердо.

На его глазах быстро рос и развивался завод. Под руководством Энделя впервые за долгие годы были отремонтированы все цеха. Из Москвы, с Урала и из Ленинграда пришли новые станки. В четыре раза больше, чем до войны, выходило теперь весов с маркой «Вега». И для этого немало поработал Иоган Роосар. Поработал не только руками, но и головой, потому что одними руками пятилетний план в полтора года не выполнишь.

И вот имя старого кузнеца Роосара, когда-то хватавшегося за любую работу, лишь бы не умереть с голода, имя этого человека с уважением произносят на паровозоремонтном и цементном заводах, на «Ильмаринe» и «Вольта», на швейном комбинате и текстильной фабрике «Пунане Койт» — на всех предприятиях эстонской столицы. Имя это громко звучит в министерстве и в большом зале Верховного Совета республики, когда председатель Президиума Верховного Совета вручает Иогану Роосару почетную грамоту.

Поэтому и сегодня день рождения этого простого рабочего стал событием не только для его семьи, но и для всего заводского коллектива и даже для всего Таллина.

Вот стоит Иоган Роосар на больших весах, ставших импровизированной трибуной, взволнованный, растроганный, потрясенный всем, что сейчас произошло, и, напряженно подыскивая нужные слова, медленно произносит их:

— Как-то один умный человек, с которым я встречался только два раза в жизни, говорил: «Хотя родились мы с вами давно, мне кажется, только предстоит еще день нашего рождения». Я, конечно, и в мыслях никогда не имел, чтобы день моего рождения так праздновали. Я даже сказать вам не могу, что это для меня... какая это для меня радость! И я, конечно, знаю, что раньше такого никогда не могло быть. Все вы это знаете. И товарищам, которые меня так поздравляли, и советской власти, которая сделала меня человеком, от меня, Иогана Роосара, большое спасибо! — старый кузнец низко поклонился.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Портрет работы И. Н. Крамского, 1873 год.

И. Н. Крамской

(1837—1887)

Один из центральных залов Государственной Третьяковской галлереи посвящен творчеству знаменитого русского живописца Ивана Николаевича Крамского. В этом зале находятся широко известные портреты Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Шишкина, художника Литовченко, картины «Неутешное горе», «Неизвестная» и другие произведения Крамского, которыми по праву гордится русское искусство.

В лице Крамского национальная культура имела, говоря словами Репина, «глубокого, оригинального, истинного художника... гигантский талант и колоссальный характер человека. Внутри, в самой глубине души, горел у него светоч гения...»

Иван Николаевич Крамской родился в 1837 году в семье писца Острогожской городской управы. В 1857 году он поступил в Петербургскую академию художеств. Группа молодых художников, впитавших идеи Чернышевского, Белинского и Добролюбова, во главе с Крамским подала прошение «о дозволении свободно выбрать сюжеты» для дипломной работы. Им, однако, было отказано и предложено написать композицию на тему скандинавского эпоса. Тогда 14 дипломантов покинули академию и организовали трудовую художественную артель: они вместе жили, сообща принимали заказы и совместно занимались самообразованием.

Эта художественная артель была одним из подготовительных этапов к созданию замечательного течения в русском искусстве, получившего название «передвижничество». Крамской был одним из организаторов и идейных вдохновителей Товарищества. Передвижники продолжили идейно реалистическое искусство 60-х годов, блестяще возглавлявшееся Перовым и Крамским, и знаменовали начало нового, более высокого этапа развития национального искусства. И Перов и Крамской приняли самое деятельное участие в работах Товарищества и в этот период создали немало великолепных творений.

Крамского называли душой Товарищества. «Нужен голос, громко, как труба, провозглашающий, что без идеи нет искусства», — писал Иван Николаевич, и сам он был именно этим «голосом», соединявшим подлинно принципиальную идейность с высоким живописным мастерством.

Более всего Крамской известен как портретист. В его портретах всегда раскрывается характер изображаемого лица, мы видим в них живого человека со всеми его достоинствами и недостатками, привычками и наклонностями.

Одним из лучших произведений Крамского служит исполненный в 1873 году портрет Льва Николаевича Толстого. Художник писал его в период создания «Анны Карениной». Притягательная сила портрета заключена в проникновенных, правдивых, умных глазах писателя. Светится в них обаяние гения и горячая, страстная приверженность к жизни.

Позднее были написаны портреты Некрасова (1877 год), художника Литовченко (1878 год), Салтыкова-Щедрина (1879 год) и другие. В каждом из них глубокое благородное содержание сочетается с высокой живописной формой. И в каждом из них бьется взволнованное, трепещущее, честное сердце Крамского.

В произведениях Крамского встречаются и крестьянские образы. Известен его «Лесник», о котором Крамской писал, что это «...один из тех типов (они есть в русском народе), которые многое из социального и политического строя народной жизни понимают своим умом и у которых глубоко засело неудовольствие, граничащее с ненавистью». Крамской писал, далее, что такие люди могли примыкать к восстаниям Разина или Пугачева, они не могли и не могут мириться с действительностью. В народе Крамской искал волевых, сильных людей, положительные образы.

Умер Иван Николаевич в 1887 году. С его автопортрета смотрит на нас лицо тонкого художника и пытливого мыслителя, с которого в значительной мере «списан» Львом Толстым в романе «Анна Каренина» художник Михайлов. Так же, как и Михайлов, Крамской умел угадывать в человеке «душевное выражение».

Передвижничество сыграло огромную роль в истории русского изобразительного искусства. Нестеров заслуженно называл Крамского «разумом передвижничества».

Перелистывая газеты

И. ВДОВИН

Вступая в Новый год, принято вспоминать о событиях года минувшего. Последуем и мы этой традиции.

Уже слегка пожелтевшие страницы газет за 1 января 1947 года рассказывают о том, как начался этот ушедший в прошлое год, что произошло в его первый день.

Вступило в силу соглашение об экономическом объединении английской и американской зон оккупации Германии.

Франко, выступая по радио, поблагодарил «всех тех вне Испании, которые поняли нас и помогли нам».

В Астурии, Галисии, Каталонии и других провинциях Испании шли бои партизан с фалангистами.

Угольные шахты Англии официально перешли под государственный контроль.

Французское правительство объявило о снижении цен на 5 процентов.

Итальянский премьер де Гаспери обещал Всеобщей итальянской конфедерации труда принять ее предложения по улучшению продовольственного положения и по борьбе с дороговизной. В связи с этим ВИКТ призвал трудящихся Козенцы и Катанзаро отменить назначенную на 2 января забастовку.

На Яве и Суматре шли бои между индонезийцами и голландскими войсками.

В Индокитае, близ Сайгона, бросил якорь прибывший из Франции военный транспорт «Пастер» с подкреплениями для армии, сражающейся против Вьет-Намской республики.

В Фессалии, Эпире, Македонии и других районах Греции шли бои между партизанами и монархистами.

Две бригады гоминдановского генерала Ху Цзун-наня начали наступление на центральный пограничный район Шеньси—Ганьсу—Нинься.

Газеты освобожденных районов Китая опубликовали выступления главнокомандующего народно-освободительной армии Джу Дэ, который призвал остановить в 1947 году наступление гоминдановских реакционеров и вернуть захваченные территории.

В белградских газетах появился отчет о первом дне процесса над шпионской группой, находящейся на службе у американской разведки. Среди обвиняемых — бывший премьер югославского правительства в эмиграции Трифунович.

Георгий Димитров обратился с новогодним посланием к народу, в котором заявил: мы встречаем новый год с глубокой верой в единство славянских народов и с чувством благодарности к великому русскому народу, который является нашим освободителем.

...Таков далеко не полный перечень событий первого дня сорок седьмого года. Теперь мы знаем их продолжение.

Экономическое объединение англо-американских зон оккупации Германии, которое пытались изобразить как шаг к созданию единой Германии, в действительности оказалось шагом к ее расколу. США, а вместе с ними Англия и Франция сорвали Лондонскую сессию Совета Министров иностранных дел и тем окончательно разоблачили свои стремления не допустить создания единой Германии, отделить западногерманское государство, превратить его в колонию, в военно-экономическую базу Америки в Европе. Западной Германии отведено почетное место в «плане Маршалла». Для недавних союзников по оружию — Польши, Югославии, Албании — у заокеанских «друзей» нет ни займов, ни хлеба, ни оборудования.

Дабы не скомпрометировать своих покровителей, Франко облек новогодние комплименты в туманные формулы. Но сколько бы он ни напускал тумана, всем ясно: те «вне Испании, которые поняли нас и помогли нам», — это прежде всего англо-американские реакционеры. Они прятали Франко за щит пресловутого принципа «невмешательства». В свое время с помощью «невмешательства» Франко пришел к власти. Теперь это испытанное средство помогает ему удерживать власть.

Раньше говорили «комедия невмешательства». Правильнее сказать «трагедия невмешательства». Ведь испанскому народу приходится кровью расплачиваться за это «невмешательство». И все же народ остается верным своей клятве: «Лучше умереть, чем жить на коленях!» — и продолжает борьбу. В последние дни сорок седьмого года партизаны Астурии, Валенсии и Эстремадуры наносили фалангистам удары более сильные, чем год назад.

Первого января 1947 года в Англии над угольной шахтой близ Честерфилда был поднят синий флаг с белыми инициалами НУУ — «Национальное управление по вопросам угля». Гремели оркестры, и ораторы из числа правых лейбористов распинались в своей верности интересам трудящихся. Еще бы! На проведении национализации шахт они рассчитывали нажить неплохой политический капитал. Примечательно иное — национализация оказалась выгодна и самим шахтовладельцам. Старые шахты требовали коренного переоборудования, в перспективе было очень много расходов и мало доходов. Лейбористы выручили шахтовладельцев: им выплачивают колоссальный выкупной куш — в размере многих миллионов фунтов стерлингов. А миллионы эти, так же как и расходы на переоборудование шахт, двойным бременем легли на плечи трудящихся. Орган лейбористов газета «Дейли геральд» поместила 1 января 1947 года фотографию английского шахтера с подписью аршинными буквами: «Он ждал этого 50 лет». Но в действительности английские шахтеры ждали далеко не «этого».

В своей предвыборной программе лейбористы обещали провести национализацию и сталелитейной промышленности. Но бирмингемские магнаты не пожелали выпустить из своих рук эту основу основ английской промышленности. Когда лейбористские лидеры в парламенте заговорили о национализации сталелитейных предприятий, с консервативных скамей последовал сердитый хозяйский окрик. И «социалисты», поглядывая направо, невнятно забормотали о том, что они-де попрежнему за национализацию сталелитейной промышленности, но что сейчас она «несвоевременна», что нужно дополнительно изучить вопрос, дождаться «подходящего момента».

От английских любителей «левых» слов и правых дел не отставали в минувшем году и их французские единомышленники — социалисты по имени, буржуазные лакеи по профессии, демагоги по методу работы. В своей новогодней речи по поводу объявленного снижения цен на 5 процентов Блюм, обращаясь к народу, с наигранным пафосом заявил: «Новость, которую я вам сообщил, — действительно великая новость». Правда, он тут же счел за благо признать, что эта «великая новость» у многих вызовет лишь «скептическую улыбку». Интересно, что скажет Блюм теперь! Французские социалисты обещали народу снижение цен, а произошло снижение заработной платы. Французские газеты в конце декабря сообщили: повысились цены на папиросы, на уголь, на электроэнергию, на железнодорожные билеты...

Французские социалисты показали свою верность буржуазии и иностранным хозяевам. Рабочий класс Франции продемонстрировал свою верность демократии и родине. Давно Европа не видела такой грандиозной, такой организованной и сплоченной забастовки, как забастовка трудящихся Франции в конце прошлого года. Ни угрозы объединенной реакции, ни танки, посланные министром-социалистом Моком, ни драконовские антирабочие законы — копия американского закона Тафта — Хартли, — не сломили воли забастовщиков.

Грандиозного размаха достигло народное движение и в Италии. Лживыми посулами в канун Нового года де Гаспери удалось добиться отмены забастовки, назначенной в нескольких городах на 2 января. Но нельзя без конца кормить народ обещаниями и не давать ему хлеба. От Милана до Сицилии поднялись миллионы рабочих и крестьян. Они показали, что умеют постоять за свои права.

Сегодня, как и год назад, идут бои в Китае и Греции, в Индонезии и Вьет-Наме. Войска гоминдановского генерала Ху Цзун-наня, начавшие в начале января наступление на пограничный район, были многократно биты в течение года войсками народной освободительной армии. Биты и многие другие генералы. Только за четыре месяца — с августа по ноябрь — гоминдановские армии потеряли убитыми и ранеными 452 тысячи солдат и офицеров. Призывы Джу Дэ воплотились в жизнь...

Позорно провалился колониальный «блицкриг» в Индонезии, хотя голландские колонизаторы воюют с помощью американских танков и реактивных орудий, а индонезийцы зачастую вооружены лишь бамбуковыми пиками. Одни с помощью новейшей техники отстаивают отжившие свой век порядки, другие с допотопным оружием сражаются за передовые идеи современности.

К ПРЕБЫВАНИЮ В МОСКВЕ ДЕЛЕГАЦИИ СОЮЗА БОЛГАРО-СОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ

В Москву по приглашению ВОКС прибыла делегация Союза болгаро-советских обществ во главе с главным секретарем Союза Петром Димитровым. Делегация посетила текстильный комбинат Трехгорной мануфактуры имени Ф. Э. Дзержинского. На снимке (справа налево): заместитель председателя Союза Георгий Ангелов, народный артист республики Стефан Македонский и председатель болгаро-советского общества города Варна Венчо Николаев среди воспитанников детского сада комбината.

Фото А. БАТАНОВА (ТАСС)

Много военных транспортов прибыло за минувший год из Франции в Вьет-Нам. Каждый день этой бессмысленной для французского народа войны обходится Франции в 100 миллионов франков. В конце декабря 1947 года были утверждены дополнительные военные кредиты. Их общая сумма увеличилась почти до 250 миллиардов франков. Но франки против народа, защищающего свою свободу, так же беспомощны, как и доллары и фунты. Вьет-Намская республика живет, продолжает строить новую жизнь, борется за свою независимость. И она отстоит ее.

Один за другим бесславно кончились весеннее, летнее, осеннее и зимнее «генеральные» наступления греческих монархистов против партизан. Каждое из них широковещательно именовалось «последним». Но последним оно оказывалось лишь для предателей, сраженных партизанской пулей. И хотя на подмогу английским инструкторам прибыл присланный Трумэном «гражданский и военный персонал», хотя монархисты получали оружие и миллионные займы от своих богатых хозяев, хотя за одно сочувствие партизанам людям приходилось идти на пытку и на смерть, число партизан за год выросло в десять раз. Наднях на освобожденной территории Греции создано Временное народно-демократическое правительство во главе с главнокомандующим партизанскими силами генералом Маркосом.

Для американских империалистов минувший год был годом несбывшихся надежд. Долларовая дипломатия показала свою несостоятельность: на доллары, оказалось, можно купить политиканов, но не народы. Не оправдались упования и на новое устрашающее божество — атомную бомбу. Жрецы этого божества очутились у разбитого корыта, когда на весь мир прозвучали слова В. М. Молотова о том, что секрета атомной бомбы «давно уже не существует».

Провалились и все англо-американские попытки надеть старое, империалистическое ярмо на страны новой демократии. Были раскрыты и обезврежены шпионские гнезда. Понес заслуженное наказание американский шпион Трифунович. Вслед за ним были осуждены предатели Петков, Маниу и другие. Была сорвана маска с Надь Ференца, который, выступая в парламенте против заговорщиков, встречался с ними на конспиративных квартирах. Опасаясь разоблачения, бежал из Польши и Миколайчик.

Опираясь на поддержку Советского Союза, страны новой демократии успешно преодолевают послевоенные трудности. С каждым днем крепнет несокрушимое единство славянских народов.

Минувший год показал, что силы демократии крепнут и растут во всем мире. Это видят все — одни с неприязнью, другие с радостью. Но, видимо, не все понимают, что изменить ход истории нельзя ни займами, ни атомной бомбой, ни кнутом, ни пряником.

Рисунок Бор. Ефимова

Новогоднее катание

С трескучим шумом
Мчится «виллис».
Владелец «виллиса» богат.
За этот «виллис»
Уцепились
Шуман, Шумахер, Сарагат.

Шофер стремителен и гневен,
Властолюбив, нетерпелив.
Его поддерживает Бевин,
Руками сзади обхватив.

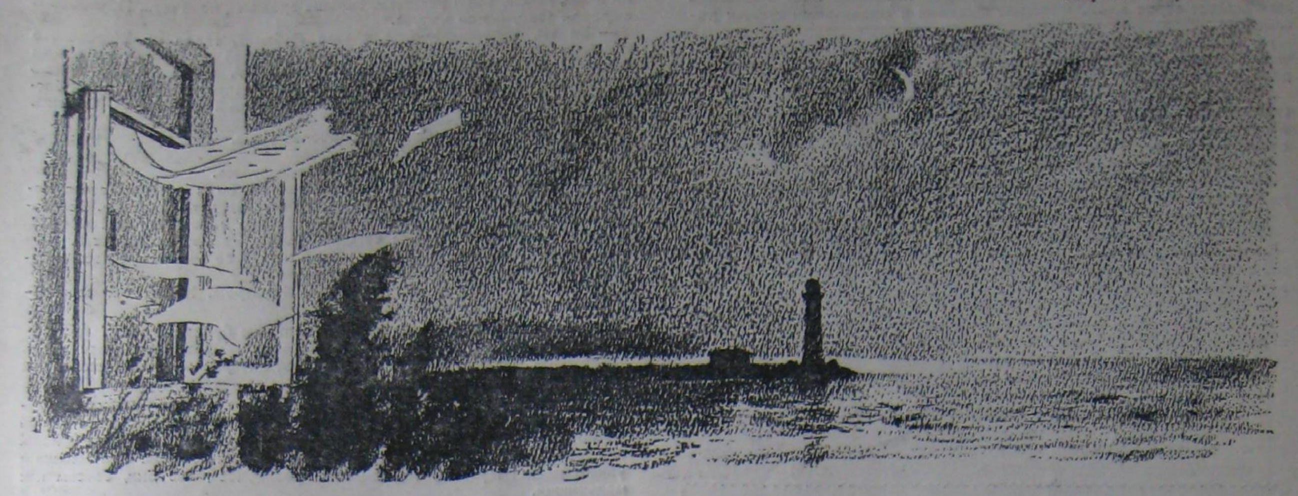
Ревет мотор, дыша бензином.
Ему Шумахер одолжил
В придачу к силам лошадиным
И несколько ослиных сил.

Крича народам:
«С Новым годом!» —
Шофер несется полным ходом,
Бросая доллар, как лассо.

«Нет, — говорят ему народы, —
Не продадим мы вам свободы.
Попридержите колесо!»

С. МАРШАК

Рисунок И. Гринштейна

Чужая рукопись

Рассказ

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Кончался декабрь. С севера пришел шторм. Море ревело и не давало спать по ночам. Писатель Лобанов читал почти все ночи напролет. Он перечитал все те немногие книги, что у него были, и, наконец, взялся за чужую рукопись. Ее принес Лобанову незнакомый пожилой человек по фамилии Королев — начальник пристани в том городке на Кавказском побережье, где Лобанов проводил сейчас зиму.

Лобанов неохотно взглянул на первую страницу, но начало рукописи удивительно совпадало с тем, что происходило вокруг. Лобанов заинтересовался и начал читать дальше:

«Весь месяц дул холодный ветер, лил дождь, и почти каждую ночь проходила над морем гроза. Медленные молнии освещали огромные валы, бившие в берег, голые платаны за окном и мою комнату, похожую на каюту.

При каждой вспышке молнии сверкал на столе осколок дымчатого розового стекла. Я как-то подобрал его на пляже. Просыпаясь среди ночи, я смотрел не за окно, где бушевало море, а на то место стола, где, как я знал, лежит этот осколок. Я ждал. Внезапно осколок загорался розовым светом, и мне нравилось думать, что это распустился у меня на столе мгновенный цветок. Молния гасла, мрак прижимался к стеклам, но мне все казалось, что розовое пламя еще догорает на столе. Этот короткий блеск помогал мне думать. А передумать нужно было многое, потому что жизнь уже перевалила за половину, но я не хотел сдаваться. Чаще всего я думал о том, что нельзя уйти без следа из этого хорошего мира. Но как оставить след, если я человек, не одаренный никакими талантами, кроме отчаянного пристрастия к жизни?

А между тем я многое знаю, люблю литературу, но все это лежит мертвым грузом, и, пожалуй, за всю свою жизнь мне не удалось ни с кем как следует поговорить об этом.

Где-то я вычитал, что композитор Григ встретил весной в горах маленькую девочку, такую трогательную и веселую, что Григ написал для нее одну из своих лучших симфоний. А вот мне никак не удается встретить такую девочку. Ради нее я мог бы написать рассказ, чтобы передать и ей, когда она подрастет, и всем окружающим мои мысли, замыслы и наблюдения. Мне всегда очень хотелось этого. Сейчас у меня есть какая-то глупая уверенность, что в этом моем первом рассказе я, хотя бы отчасти, добился того, чего так хотел».

Когда Лобанов дочитал рукопись до этого места, налетел шквал, и тотчас погасло электричество. Очевидно, ветер оборвал провода. Шквал встряхнул дощатый дом, как встряхивают за плечи человека, чтобы заставить его опомниться. Дом затрещал, галька со звоном хлестнула в стекла, захлопали двери, и за порогом закричал и зацарапался котенок, испуганный всем этим шумом.

Лобанов встал, чтобы впустить его, и взглянул за окно. Седые разливы пены стремительно подкатывались к стенам дома и тотчас уходили в темноту, грохоча убегающей галькой. Больше за окном ничего не было видно. Ветер гулял по комнате и шевелил чужую рукопись.

С некоторых пор Лобанов начал бояться чужих рукописей. Почти всегда это были длинные исповеди. Но не это его пугало. Ему было страшно, прочитав рукопись, сказать человеку: «Пишите дальше». Рискованно было толкать человека на тяжелый труд выражения самого себя. Этому нужно было отдать жизнь. Но хватит ли ее? И сил? Хватит ли жестокости к себе, чтобы понять и преодолеть первоначальную скудость слов? Если хватит, то прекрасно. А если нет? Что тогда?

Но на этот раз Лобанов ошибся. Хотя рукопись и была, очевидно, «исповедью», начиналась она хорошо.

«Чего же он хочет? — думал Лобанов, лежа в темноте. — Оставить след в сердцах людей? Может быть, эта рукопись и переживет его. Кто знает!»

Второй шквал ударил в дом с силой взрывной волны. Крючок на двери сломался. Дверь отлетела и ударила в стену. Треснуло и распахнулось окно, и плотный поток воздуха выдул, казалось, все, что было в комнате. Упала ваза с цветами, полилась вода, листы рукописи взлетели со стула около кровати и исчезли за окном.

Лобанов поймал налету одну страницу. Он засунул ее под подушку, вскочил, накинул пальто и вышел в сад. Ветер, свирепея, гнул к земле кипарисы. Мокрые листья били по щекам, и ничего не было видно вокруг. Потом Лобанов заметил, что под окном что-то мутно белеет. Он подошел. Это была страница из рукописи, наглухо припечатанная ветром к густым кипарисовым веткам. Лобанов отодрал ее от дерева и унес в дом.

Только вернувшись к себе, он понял, что случилось. От рукописи ничего не осталось. Он долго просидел на кровати, упершись локтями в колени и опустив на ладони голову. Что он скажет теперь Королеву? Лобанов знал, что вины за ним нет, но что он скажет! Как он не догадался, что шквал может распахнуть окно!

* * *

Утром ветер разорвал в клочья тучи и прижал их к побуревшим горам. Дождя не было. Море стихало. Как только рассвело, Лобанов пошел далеко по берегу в ту сторону, куда дул ночью ветер, но не нашел ни одной страницы рукописи.

Лобанов решил тотчас идти на пристань, в морское агентство, и рассказать обо всем Королеву. Но, как все слабовольные люди, он начал медлить: долго мылся под душем, тщательно одевался, выкурил несколько папирос и только после этого вышел, наконец, на шоссе и пошел к пристани.

На половине пути до пристани ответвлялась дорога в ущелье. Лобанов постоял на перекрестке, подумал и пошел по этой дороге. В ущелье лежал туман. С облетевших тополей, стоявших по обочинам дороги и заросших плющом, слетали капли.

Лобанов любил эту дорогу. Сначала тянулись пустынные сады. В них доцветали побледневшие от ветров хризантемы. Сладковато пахло листвой мушмалы. Потом на повороте показался сухой узловатый дуб. С его ствола свешивались желтые виноградные листья. За поворотом шумел между камней поток. Вода в нем была голубая и на перепадах

прозрачная. Через поток был переброшен каменный мост с высокой аркой. Мост зарос мхом, желтыми лишаями и маленькими сухими ромашками.

На парапете моста сидели две молодые женщины и плотный мужчина в берете. Лобанов узнал его издали. Это был его приятель художник Журавский.

Рядом с ним сидела его жена Аннушка, очень черная, худая, в пестром платке. Вторую женщину Лобанов не знал. Он заметил издали ее волосы с медным отблеском, и когда подошел поближе,— серые спокойные глаза.

За мостом на склоне горы белел дом, где жили Журавские.

Лобанов подошел, поздоровался. Журавский познакомил его с молодой женщиной:

— Это наша москвичка. Художница. Нина Потапова.

— Вы что ж, недавно приехали?—спросил ее Лобанов.

— Да,— ответила Нина, не глядя на Лобанова; она бросала в поток сухие ветки и смотрела, как их уносит водой.— Только что приехала и уезжаю. Завтра же.

— Что ж так?

— Слякоть, холод! —ответила Нина и пожала плечом.— Я уже здесь неделю и ни разу не видела солнца. Это скучно.

— А что ж, в Москве сейчас лучше?

Нина подняла глаза, удивленно взглянула на Лобанова и спросила:

— А вы почему сердитесь?

— Сердись — не сердись,— пробормотал смущенно Журавский,— но и мы, Миша, тоже уезжаем. Раньше времени, конечно... Понимаешь, сырость. Получается чепуха.

— Эх ты, художник!—тихо сказал Лобанов, глядя на Журавского сузившимися злыми глазами.— Ты видел, какой тут воздух во время штормов? Совершенно зеленый. А туманы! А ночи! Я часто встаю ночью, выхожу на веранду и слушаю море. Беспредельный шум. И беспредельная тьма. Теплая, кромешная. Комнатный ты человек, Сережа, вот что! Курортник!

— Это и ко мне относится?—спросила Нина.

— Как вам будет угодно.

— Спасибо,— промолвила Нина и усмехнулась.

— Извините,— сказал, горячась, Лобанов,— но я не могу этого понять. Этой вашей слепоты на вещи, по существу, прекрасные. Все хорошо — и дождь, и ветер, и вот эти облака в ущелье. Все!

— Вы что-то раздражены сегодня, Миша,— заметила Аннушка.

— Да,— согласился Лобанов.— Этой ночью со мной случилась невероятная чертовщина.

Он рассказал о рукописи, унесенной ветром. Журавский заволновался.

— Господи! — воскликнул он. — Что же ты будешь делать?

— Представь, Сережа,— сказал Лобанов, — начало рукописи очень интересное. Должно быть, и человек этот интересный. Необыкновенный какой-то начальник пристани.

— Необыкновенные люди бывают только в книгах,— небрежно заметила Нина. — И в воображении писателей. Я уверена, что это самый обыкновенный человек. И к тому же неудачник. А вам всюду чудятся... как это сказано... «Одиссеи во мгле пароходных контор». Чем больше я узнаю наших мужчин, тем сильнее убеждаюсь, что они, совсем как мальчишки.

— Что ж тут плохого?—испугалась Аннушка.— Пусть будут мальчишками.

— Я не знаю, сколько вам лет,— сдержанно сказал Лобанов Нине.— Думаю, что не больше тридцати. А мне уже сорок пять. Но я временами ощущаю себя семнадцатилетним. А вы?

— Это не интересно!

Нина встала, обняла Аннушку за плечи и засмеялась.

— Ладно!—сказала она вызывающе.— Давайте останемся еще на несколько дней. Как ты думаешь, Аннушка? И, может быть, за эти несколько дней товарищ писатель откроет мне прелесть этой мокрой зимы. Я буду ему очень признательна.

— О, господи!—вздохнул Журавский.— Не успели познакомиться — и уже ссорятся. Что за люди, ей богу! Значит, остаемся, Аннушка?

— Ну что ж, останемся,— согласилась Аннушка.— Встретим у нас Новый год. Хорошо, Миша?

— Чудесно!—обрадовался Лобанов.— Прямо чудесно! Новый год у моря. В горах.

— Знаете что, — сказала Нина,— позовите на Новый год этого вашего начальника пристани. Он семейный?

— Не знаю. Кажется, нет.

— Позовите. Чтобы загладить хоть отчасти вашу вину.

— Никакой моей вины нет.

— Ну, хорошо. Тогда мне просто интересно посмотреть на человека, которого вы считаете необыкновенным.

— Идет! — согласился Лобанов. — В общем, вы совсем не такая, какой хотите себя показать.

— Нет, такая,— упрямо сказала Нина.— Именно такая!

Лобанов помолчал.

— Вот что, Сережа,— сказал он умоляюще и покраснел,— пойдем сейчас к Королеву. Вместе.

— Если тебе так будет легче...—пробормотал Журавский.— Пожалуй, пойдем.

— И мы с вами,— сказала Аннушка и встала.— Не бойтесь. Мы посидим в парке, пока вы с ним будете объясняться.

Всю дорогу до пристани Лобанов молчал. Когда его о чем-нибудь спрашивали, он отвечал невпопад. Наконец, вышли на пальмовую аллею на берегу. Далеко в море лежала серебряная полоса воды,— там сквозь пелену облаков пробивалось солнце.

— Вы оба так волнуетесь, что на вас жалко смотреть,— насмешливо сказала Нина.— Хотите, я пойду к нему вместо вас.

— Нет, зачем же,— неуверенно возразил Лобанов.

— Ну уж, ладно! Подождите здесь, на этой скамейке. Эх вы, мужчины!

Она усмехнулась и быстро пошла к низкому белому зданию морского агентства.

Нина долго не возвращалась. Лобанов, сидя на скамейке, поглядывал на двери агентства. Наконец, она вышла. Он заметил издалека ее светлое, легкое пальто. Слабый луч солнца упал на землю, и под этим лучом вдруг вспыхнули нинины волосы.

Нина поправила волосы и чему-то улыбнулась.

— Ну что?—спросил Лобанов, когда она подошла.

— Да ничего. Дайте мне папиросу.

Она закурила и неохотно сказала:

— Сначала он растерялся. Но потом обошлось. Уверяет, что все это пустяки. Очень вежливый человек. Черновика у него нет, но он говорит, что это не имеет значения.

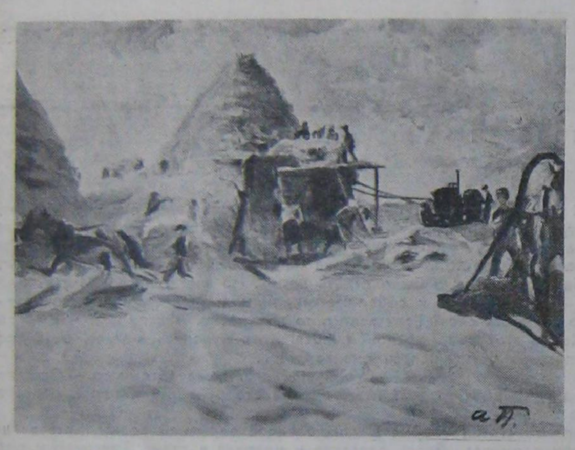
— Какой он?—спросила Аннушка.

— Седой. Я плохо рассмотрела. Там темно.

— Необыкновенный?—усмехнулся Журавский.

— Не знаю,— медленно ответила Нина.— Не знаю,— повторила она.— Просто человек в старом морском кителе. Я пригласила его на послезавтра. Он придет.

Я желаю...

...чтобы поэзия и красота труда были воспеты нашими художниками.

А. ПЛАСТОВ

...чтобы труд колхозников увенчался в 1948 году рекордным урожаем на всех полях страны.

А. БУБНОВ

* * *

Утром Лобанов проснулся и прислушался. Море молчало. Лобанов вскочил, вышел в пижаме на веранду и засмеялся: мглистый синеватый штиль лежал, колыхаясь, над морем. Прозрачная вода чуть подымалась и опадала, покачивая коричневые листья магнолий, но ни одна волна не плеснула о берег.

В ясной и бесконечной синеве низко сверкало солнце. Все в пятнах солнца и дымных тенях, уходили к северу мощным изгибом знакомые горы.

Желтая бабочка села на перила веранды, распластала крылья и замерла: уснула от теплоты.

Лобанов прищурился.

— Боже, какая голубизна! — сказал он громко.— Можно ослепнуть!

Он вдохнул всей грудью воздух и покачал головой,— в воздухе была целебная, чуть прогретая солнцем свежесть. Недавний шторм выдул весь сладкий угар, застоявшийся в мандаринниках, и затопил побережье потоками озона.

— Вот тебе и тридцать первое декабря!—сказал Лобанов.— Какая прелесть!

Весь короткий солнечный день ушел на веселую возню перед встречей Нового года. Лобанов ходил с Аннушкой на базар и, чертыхаясь, тащил оттуда в дом к Журавским бутылки с вином, орехи и сыр «сулугуни». К вечеру Лобанов лег отдохнуть, уснул, а когда проснулся,— высоко над побледневшим морем висел нежный серп месяца.

Лобанов взглянул на месяц, ахнул и пошел умываться.

Пришел он к Журавским поздно и застал уже там Нину и Королева.

— Вот,— сказал Лобанов, смущенно здороваясь с Королевым,— какая нелепая вышла история. У вас хорошая память?

— Да, неплохая,— ответил Королев; голос у него был глуховатый.— А что?

— Вы не сможете по памяти восстановить все, что писали?

— Не знаю. Очень трудно, конечно.

— Мне безумно хочется знать, что было у вас в рассказе. Я успел прочесть только одну страницу. Но это очень здорово!

Королев улыбнулся:

— Если хотите, я могу рассказать. Но это тоже трудно.

— Расскажите,— попросила Нина.— Непременно!

На ней было вечернее платье, длинное, до полу, из мягкого черного бархата. В этом платье она казалась выше и бледнее.

— Потом,— ответил Королев.

— Когда потом?

— Если придется к слову. До Нового года осталось несколько минут.

Сели за стол. Он напоминал низкорослый сад. На нем было расставлено так много цветов и набросано столько веток, что блюда с закусками и бутылки терялись в их таинственной чаще.

За минуту до полуночи Нина погасила свет. Тотчас яркое сияние месяца возникло на потемневшем небе и стало слышно, как в ущелье мягко шумит, переливаясь по мшистым камням, горный поток.

— Зачем это ты?—испуганно спросила Аннушка.

— Так, мне кажется, лучше.

Лобанов вглядывался в полумраке в Королева. Журавский откупорил бутылку шампанского и разлил вино по стаканам: бокалов не было. Шампанское слабо светилось. Королев взглянул на часы на руке:

— Ровно двенадцать. Есть примета: с кем встречаешь Новый год, с тем долго не расстанешься.

— Выпьем за это, — предложил Журавский.

— Потом, — сказал Лобанов. — Сначала выпьем за нашу великолепную страну. Ей мы обязаны всем.

Пили за Новый год, за счастье. Начался шум. Лобанов предложил выпить за Черное море. Вышли со стаканами на балкон. Он висел в воздухе над дымной и глухой синевой, и над этой синевой стоял печальный месяц. Лобанов не сразу понял, что эта синева — ночное море.

— Где мы? — спросила Нина. — Я ничего не понимаю. Откуда так тянет теплом?

— От моря, — ответил Королев.

— В такую ночь всегда ждешь необыкновенного, — неожиданно сказала Нина.

Лобанов засмеялся:

— Остановка только за тем, чтобы это необыкновенное придумать.

— Выпьем еще,— серьезно сказал Королев,— и тогда я вам кое-что предложу.

— Слушайте, Королев,— Нина глухо засмеялась, — вы, действительно, странный человек.

— Ничего не странный! — закричал Журавский, схватил Королева за плечи и сильно встряхнул. — Он симпатяга! Я сразу это понял, как только он переступил порог. Он поэт. Я отвечаю за свои слова. Признайтесь, что вы пишете стихи.

— Нет, — ответил из темноты Королев. — Стихов я не пишу. Куда там!

— Чепуха! — снова крикнул Журавский.

— Слушай, Сережка, — сердито сказал Лобанов, — замолчи, ради бога! Если понадобится, то мы тебя вызовем.

— А что вы любите больше всего? — вдруг тихо спросила Нина.

Королев молчал. Нина выпрямилась в кресле, подалась вперед и смотрела в лицо Королеву.

Я желаю...

...чтобы реки были богаты уловом, а люди — силой.

С. ГЕРАСИМОВ

...чтобы в наступившем году отстроились все пострадавшие в войне деревни.

Д. ТЕГИН

— Многое, — ответил, наконец, Королев. — Но, пожалуй, больше всего «Для берегов отчизны дальной».

— Прочтите!

— Я плохо читаю.

— Прочтите сейчас же!

— Нина! — испуганно сказала Аннушка. — Что ты чудишь!

— Ну, хорошо, — согласился Королев.

Он начал читать, облокотившись о перила и глядя на море, где далеко, на самом краю ночи, шел пароход и нес неяркие огни. Королев читал, как будто для себя.

— «Но там — увы,— где неба своды сияют в блеске голубом»,— просто сказал Королев, и Нина почувствовала, как у нее сжалось горло.

Она знала, что за этими торжественными, поющими словами стоит смерть, не пощадившая ни любви поэта, ни светлой красоты любящей женщины. И вот они пришли, эти слова: «Твоя краса, твои страданья исчезли в урне гробовой». Твои страданья! Нина сидела, все так же выпрямившись, не двигаясь, и по ее щеке скатилась и упала на колено, на черный бархат, одна-единственная слеза. Никто этого не заметил. Все молчали.

— Да, — сказал, наконец, Журавский, — тысяча поэтов не придумает ту единственную строчку, которую написал этот гениальный мальчишка!

— Ты это о ком? — спросил Лобанов.

— Как — о ком! О Лермонтове. Помнишь: «И звезда с звездою говорит?»

— Однако что же вы хотели нам предложить? — спросила Королева Аннушка.

* * *

Машина неслась, шурша на закруглениях, и в свете фар мелькали меловые стволы эвкалиптов. Далеко впереди светились зеленоватые снега на Главном хребте.

«Откуда этот свет? — думал Лобанов.— Неужели снег светится сам по себе? И что это за безумная гонка новогодней ночью! И как это здорово получилось, что Королев достал машину и везет их неизвестно куда!»

— Снега! — прокричал Лобанов. — Видите, как светят снега!

Нина смотрела на снежную цепь. В лицо бил ветер, задувал под легкое пальто, под мягкий бархат платья, и все внутри холодело. Нина не могла понять, что это за холод. Может быть, это был просто холод восторга. Снеговые вершины росли, медленно менялись местами. Нине захотелось туда, на этот чистый снег. Попасть туда одной, совсем одной!

Машина свернула к морю, на плоский мыс, и вошла в сосновый лес. Ветер стих. Запахло мокрой хвоей.

В лесу они вышли из машины и пошли вслед за Королевым. Он уверенно шел в ту сторону, откуда долетал какой-то смутный гул.

Лагуна открылась внезапно. Она лежала рядом, почти у самых корней последних сосен.

— Ну вот,— сказал Королев.— Это здесь.

Все молчали. Багровый месяц тяжело висел во мгле. Медные невысокие волны бежали от месяца к их ногам.

Лобанов с необыкновенной ясностью запомнил все: и эту лагуну, и запах сосен, и обрубистый каменный берег, что начинался слева и в тусклом отблеске месяца казался заржавленным, и белые развалины, и там, далеко — величавое молчание горных вершин. По правую руку на низком мысу горел маяк.

— Здо́рово! — сказал Лобанов. — Какое-то необыкновенное ощущение от всего...

— Аннушка! — крикнул Журавский.— Завтра же приеду сюда с красками и холстом. Приеду! А не найду машину — приползу!

— Не надо шуметь, — тихо сказала ему Нина.

Все замолчали.

— А теперь,— сказал Королев,— пойдемте. Вы все озябли. Здесь, на маяке, смотрителем мой приятель Стеценко. Он меня ждет этой ночью. Я обещал.

— Что же мы всем табором? — сказала Аннушка. — Неудобно.

— Он только обрадуется. Живет, как на острове. Идемте!

Маяк был недалеко. Они шли к нему берегом, по гальке. Галька трещала под ногами, и нельзя было разговаривать. Следом по лесу шла машина.

Железный высокий маяк был обнесен каменной оградой. Королев постучал в калитку. Из-за ограды окликнули. Королев назвал себя. Калитку открыл однорукий человек с фонарем. Это был смотритель маяка Стеценко. Он нисколько не удивился появлению среди ночи Королева с незнакомыми людьми.

— А, Коля! — сказал он спокойно. — А я уже ругался. Думал, что обманешь. Входите, пожалуйста. Тут порог. Осторожнее.

— Извините,— сказал Лобанов.— Непрошеные гости.

— Ну что вы! — засмеялся Стеценко.

Все дальнейшее запомнилось Нине очень ясно, но вместе с тем эта ясность была похожа на сон.

Двор маяка, вымощенный крупной галькой, ярко освещенная комната, большой украинский ковер на полу, на стене карточка этого человека в морской форме, но снятая еще тогда, когда он не был одноруким, медные барометры, гитара. Журавский пел под гитару:

«Кто же мне судьбу предскажет?
Кто же завтра, милый мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?»

— Всегда ты поешь одно и то же, — рассердилась Аннушка.

— Девочку не разбудим? — спросил Королев.

— Она у меня спит крепко, — ответил Стеценко. — Набегалась за день.

— Какая девочка? — быстро спросила Аннушка.

— Моя, — ответил Стеценко. — Собственно, не моя. Я не женат. Но я ее усыновил. Или удочерил. Не знаю, как сказать.

— Можно ее посмотреть?

Стеценко провел Аннушку и Нину в соседнюю комнату. Там спала белоголовая девочка с растрепанными косичками, румяная от сна. Аннушка наклонилась над девочкой и, не дыша, смотрела на нее блестящими глазами.

— Анна, — сказала ей вполголоса Нина, — у тебя уже скоро будет такая...

— Да,— ответила громким шопотом Аннушка.

Они вернулись в комнату, где Лобанов, Королев и Журавский уже о чем-то шумно спорили.

— Где вы ее нашли, такую чудесную?—спросила Аннушка Стеценко.

— В Керчи.

Но Аннушка все приставала с расспросами. Тогда Королев сказал:

— Во время боев за Керчь Ваня командовал десантным кораблем. Ее мать убили при нем. Он взял девочку.

— Вам трудно одному с ней, — сказала Аннушка. — И рука...

— Нет. Она уже большая. А руку я потерял потом. Под Новороссийском. Задело осколком. Хотите посмотреть маяк?

Стеценко провел всех по узкому коридору. Он упирался в железную маячную дверь. За ней начиналась чугунная винтовая лестница. Лобанов заглянул вверх. Слабо освещенная башня маяка уходила, казалось, в самое небо, под звезды.

Поднимались долго. Внутри маяка пахло машинным маслом и смолой от половиков. Ступеньки тихо позванивали. В открытые иллюминаторы дуло слабым ночным ветром.

Лестница делалась все у́же, потом перешла в отвесный трап. Он вел на балкон, к фонарю. Фонарь жужжал.

— Только не становитесь на балконе со стороны огня, — предупредил Стеценко.

Нина вышла на узкий балкон. Он висел над морем. Месяц зашел, и все небо было в нестерпимо горящих звездах. Нина закинула голову, посмотрела на небо, и у нее закружилась голова.

Она прислонилась к холодной железной стенке маяка и закрыла глаза. Королев стоял рядом с ней. Нина взяла его под руку и, не открывая глаз, сказала:

— Я ничего, ничего не понимаю. Что это так звенит?

— Маяк.

Королев помолчал, посмотрел на бледное лицо Нины, освещенное отблеском маячного огня, и сказал вполголоса:

— Вы похожи на девочку из Грига.

— Что? — спросила Нина. — На какую девочку?

— Григ как-то встретил в горах девочку. Очень славную. И написал для нее одну из своих лучших симфоний.

— Все равно, я ничего не понимаю, — сказала Нина.

— Да, — так же тихо сказал Королев, — я бы написал обо всем, что видел в жизни. Для всех. И для вас. А видел я много. И обо всем, что я передумал.

— Так же, как Григ? — спросила Нина и тихо засмеялась. Она взяла руку Королева, быстро прижала к щеке и отпустила: — Не говорите больше ничего, потому что мне будет потом очень трудно.

* * *

На обратном пути Лобанов затащил всех к себе. Была уже поздняя ночь, сонно дышало море и звезды роились в небе крупными гроздьями.

Зажгли лампы. Лобанов вытащил из шкафа вино и мандарины.

Говорили мало. Аннушка прилегла на диван и уснула. Нина сидела в кресле, обхватив колени руками, молчала, а когда к ней обращались, отвечала односложно и рассеянно улыбалась.

— Грустишь, Нина? — спросил Журавский. — Устала?

— Ни капельки. Просто мне хорошо. Спокойно на душе.

— С чего бы это? — спросил Журавский, но Нина не ответила.

Королев курил, смотрел, задумавшись, за окно, где над горами висела Большая Медведица.

— Выпьем, — предложил Лобанов, — за то, чтобы вы заново написали свой рассказ. Так я и не знаю ничего, кроме его начала. Вы ведь обещали рассказать его нам. Может быть, расскажете сейчас? Потягивая это плохое винцо?

— Я вам его уже рассказал, — ответил Королев.

— Когда?

— Да вот сейчас. То, что вы видели этой ночью и почти все, о чем мы говорили, — это все из рассказа.

— Ах так! — сказал Лобанов. — Рассказ был об этом? Об отчаянном пристрастии к жизни?

— Да. И зимняя ночь на побережье — оттуда. И лагуна. И маяк. И то удивительное, но плохо уловимое ощущение необыкновенного, о котором вы говорили на берегу. И сила поэзии. Пожалуй, в рассказе все это было, только яснее.

— Та-ак! — протянул озадаченно Лобанов. — Это очень здорово! Вы, выходит, настоящий писатель. Недаром вы писали о бессмертии. И след вы оставили. В каждом из этих сердец. Слушайте, вы же действительно какой-то необыкновенный человек.

— Ну, глупости! — пробормотал Королев.

— Знаете, что,— сказал Лобанов и налил всем вина.— Выпьем с вами за ту малость, что зовется талантом. Хотя нет, погодите. Я хочу еще вас спросить. Ведь не все, что было в рассказе, случилось сегодня. А Григ? А девочка? Ее сегодня не было.

— Как знать! — ответил Королев.

Нина быстро встала и вышла на веранду. Лобанов удивленно посмотрел ей вслед.

— Она всегда чудит, — сказал примирительно Журавский

* * *

Через два дня Журавские и Нина уезжали в Москву. Поезд отходил поздним вечером.

Провожал только один Лобанов. Он послал знакомого мальчишку предупредить Королева об отъезде, но мальчишка исчез, не явился с ответом, и до последней минуты никто не знал, что случилось. Очевидно, мальчишка не нашел Королева.

Поезд тронулся. Нина стояла у окна. Прозрачный месяц опять висел над морем. Нина больше угадывала, чем видела, в неясном лунном сумраке знакомые и ставшие милыми места: белый санаторий, стены черных кипарисов, мост через поток, в который она недавно бросала сухие ветки, заглохший сад с маленьким дощатым домом, где жил Лобанов, тополя, парк...

— Я вернусь, — сказала Нина в оконное стекло. — Вернусь.

Стекло запотело. Нина быстро протерла его перчаткой. Поезд пронесся по длинному мосту, и внизу, у самого моря, в свете одинокого фонаря Нина увидела низкое белое здание морского агентства. Тотчас все срезал туннель, и поезд загрохотал в подземной тьме тяжелым каменным гулом.

Там, где была «зона пустыни»

Текст Мих. Златогорова

Фото М. Трехмана

Специальные корреспонденты «Огонька»

В декабре минувшего года в изуродованном войной Витебске судили генерала пехоты Фрица Гольвитцера, бывшего коменданта «Витебского укрепленного района». Вместе с Гольвитцером перед Военным трибуналом и перед сотнями рабочих и колхозников предстала группа бывших военнослужащих германской армии, убийц и грабителей, превративших Витебщину в «зону пустыни». Только высокий гуманизм советского закона избавил преступников от заслуженного смертного приговора; они получили по 25 лет исправительно-трудовых лагерей.

Прямо из зала суда мы поехали в Сураж. Суражский район — наиболее пострадавший от немецкой оккупации из всех районов Витебской области. И мы смогли быть свидетелями еще одного торжества советского народа над фашистскими вандалами.

Постепенно исчезает «зона пустыни». На выжженной земле, где нельзя было услышать крика петуха, вновь вырастают деревни, села, колхозы, фермы, машинно-тракторные станции.

Сделано уже немало. Здесь, в Суражском районе, при огромной помощи государства построено после войны 3277 новых домов, а по всей Витебской области их построено почти 39 тысяч.

Правительство требует, чтобы темпы строительства были ускорены. В январе 1948 года все семьи витебских колхозников должны быть переселены из землянок во вновь отстроенные дома. Надо быстрее строить школы, избы-читальни, различные хозяйственные и культурно-бытовые здания. Здесь пример показывают передовые колхозы.

Мы были в деревне Задубровье, в колхозе «Кастрычник» («Октябрь»). Эта деревня была целиком сметена с лица земли, здесь не оставалось даже печных труб,— все заросло быльником и лебедой, по полям рыскали волки. Сейчас на месте пепелищ поднялись 25 просторных жилых домов, школа, баня, скотный двор, конюшня, овчарня. Тракторы соседней Суражской МТС помогли колхозникам обработать одичавшую землю.

Фотокорреспондент «Огонька» М. Трехман летом 1943 года побывал у партизан, в районах Белоруссии, занятых немцами. Он заснял тогда отдельные моменты из быта колхозников в «зоне пустыни». Мы помещаем эти снимки рядом с новыми, сделанными М. Трехманом в декабре 1947 года.

Суражская МТС — передовая в Белоруссии: к новому, 1948 году она полностью закончила ремонт машин. **На снимке справа:** старший механик А. Д. Лобовкин и тракторист А. К. Спириденко осматривают тракторы после ремонта.

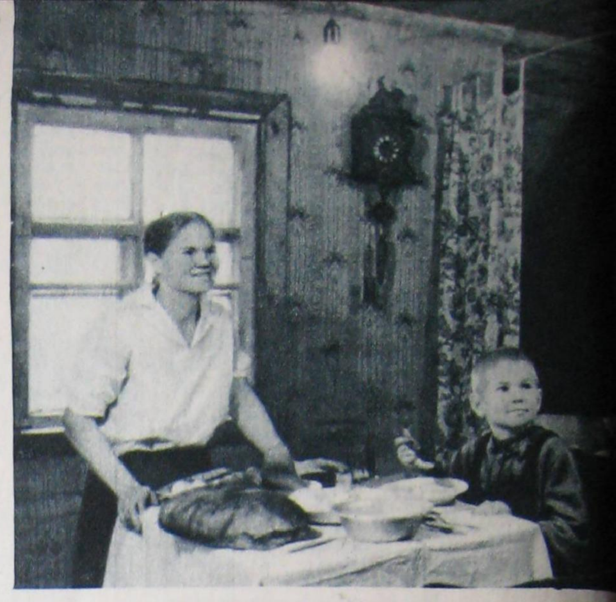
В годы войны партизаны сами изготовляли оружие. Снимок, помещенный внизу, показывает одну из партизанских оружейных мастерских в 1943 году.

Вот люди, превращающие «зону пустыни» в цветущий, зажиточный край: бывший партизан из знаменитого отряда батьки Миная Василий Архипович Хлеханов (справа) и демобилизованный воин Павел Тимофеевич Шпаковский (слева). Первый — председатель колхоза «Кастрычник», второй — бригадир колхозной строительной бригады. Вдвоем они намечают, где ставить новые дома.

Нижний снимок напоминает, как выглядели многие белорусские деревни до освобождения от немецких оккупантов.

Вместе с советской властью, с колхозами, вернулись культурная жизнь, тепло и уют родного дома.

Иван Федотович Иванов только что пришел из колхозной мастерской; сегодня ремонтировали плуги и бороны. Жена Аксинья Ивановна и сын Коля ждут его за обеденным столом.

Каким резким контрастом к этому снимку выглядит фотография, сделанная в землянке в дни немецкой неволи! (фото справа).

Накануне Нового года в десятках изб деревни Задубровье справлялось новоселье. На верхнем снимке вы видите праздник в избе колхозника Григория Васильевича Воронова.

В гости к Воронову собралось много молодежи. Лихо отплясывает Катя Лобовкина под баян, на котором играет тракторист Петр Шаровкин.

Уходит в прошлое «земляночный быт», грустную картину которого вы видите на снимке 1943 года (фото справа).

«Спасибо родному Сталину!» — миллионы белоруссов от всего сердца повторяют сегодня эти слова. Портретами великого Сталина украшают они стены своих новых жилищ.

На нижнем снимке мы видим этот волнующий момент в доме колхозников Шпаковских в том же селе Задубровье. У портрета вождя — хозяин дома, демобилизованный воин. Он прикрепляет к стене благодарность товарища Сталина, полученную им на фронте.

...или при немцах. В землянках рождались дети.
...сли в темноте, тесноте, сырости... Теперь этому
...н конец.

...снимке внизу: один из маленьких граждан
... Задубровье. Его зовут Леня. Его отец —
... Савельевич Ивков, шофер колхоза «Кастрыч-
...ать, Анна Павловна, — колхозница. Государство
...о им бесплатно лес, выдало долгосрочную
... Ивковы построились. Мы видим молодую
... новом, светлом доме; здесь детство Лени
...адостным и счастливым.

Праздничная ночь в Ленинграде. Фото А. Устинова

Ночью в Ленинграде

Татьяна ТЭСС

Есть в зимней ночи ясное и нежное очарование. Оно ощутимо в любую пору, каким бы ни было дыхание погоды. Бывают ночи, когда весь город похрустывает от мороза, как крепкое яблоко, когда прохожие идут, окутанные белым паром дыханья, в седине инея, и луна, окруженная туманным облачком стужи, медленно плывет по беспощадно ясному небу.

Бывают другие ночи, повитые снеговой тишиной, с той особой мягкостью мороза, когда телу не холодно, а только легко. Дышишь полной грудью, идешь молодцевато, приминая мягкий снег, и дорога кажется близкой и ночь короткой...

А бывает и так, что еще с вечера задует ветер, повалят мокрые хлопья, ледяная крупа; надвинется туман, плотный, как кисель, и фонари сквозь туман светят приглушенно, неясно, напоминая, что есть на свете теплый кров. Но и тогда хорошо пробраться сквозь туман, бороться с ветром, согнувшись, подставляя то грудь, то спину его бесноватым ударам, и, наконец, с окаменевшим от холода лицом войти под крышу дома, ощущая всем телом блаженное, ровное тепло...

Так думала я, бродя ночью по улицам Ленинграда. В жизни нашей бывают дни, когда кажется, что взошел на высокий холм и видишь оттуда весь пройденный путь. Видишь и трудности его и радости, видишь то, что было пережито, продумано, создано... Такие чувства люди часто испытывают в канун Нового года. И ночи уходящего года, декабрьские ночи, кажутся освещенными особой зоркостью памяти, повитыми волшебной дымкой, сквозь которую многое можно увидеть и припомнить...

Двенадцатый час. Уже заперты ворота Летнего сада, вдоль пустынных дорожек неподвижно темнеют деревья. В окнах Михайловского замка ровным желтым светом горят огни. Освещенный фонарями, стоит перед замком памятник Петру. Он чернеет среди снежной белизны, торжественный Петр, тот самый Петр, которого в начале войны закапывали в землю, и в глубокой яме видны были могучие его ноги, с бесцельной силой упершиеся в стремена, и сердитые усы, в которых, как хлебные крошки, застряли мелкие комья земли...

Новым, совсем новым кажется сейчас Ленинград. Бывают организмы, которые, пережив болезни и тяжкие испытания, становятся еще более крепкими, закалившись в этой борьбе. Так случилось и с Ленинградом. Еще живы приметы горького прошлого вот здесь, на ленинградских улицах: разрушенные бомбами цехи, кварталы, наиболее сильно пострадавшие от артиллерийского обстрела. Еще свежи в памяти воспоминания обо всем страшном, что довелось пережить ленинградцам. Но Ленинград, на долю которого выпало столько горя, сколько не изведал ни один город мира, — этот самый Ленинград, полный сил и трудовой отваги, обращается сейчас с призывом, разнесшимся по всей стране: выполнить послевоенную сталинскую пятилетку досрочно, в четыре года!

Ленинградцы сформулировали то твердое, непреклонное стремление и чувство, что уже сложились в народе. Они сказали первое слово и сказали его по праву. Ибо ленинградцы уже сдержали свое недавнее обещание стране — они выполнили план 1947 года к празднику Октября. И в тексте обращения ленинградцев ко всем работникам промышленности Советского Союза есть слова, звучащие торжественно и строго, как присяга:

«...Дадим наше крепкое советское слово товарищу Сталину в том, что мы твердо и точно по-большевистски выполним взятые на себя обязательства».

...Двенадцатый час. Мчатся троллейбусы по залитому светом Невскому, мимо коней Клодта. Гаснут огни во Дворце пионеров. Улицы полны прохожих, люди идут деловитой, «дневной» походкой... И вдруг встает перед глазами день, далекий осенний день, когда после конца войны в Ленинград возвращалась гвардия.

Трамваи перестали ходить в тот час, и пустые троллейбусы тихо стояли у обочин. Посреди мостовой мерно шагали гвардейцы. Ленинградцы выстроились в несколько рядов вдоль тротуара и бросали под ноги идущим цветы. Цветов было так много, что гвардейцы шагали по ним, как по лугу; сладкий запах вянущей травы, запах сенокоса наполнял улицу. Было очень тихо, и в тишине этой отчетливо слышалось, как тонко и нежно звенят ордена в такт мерным шагам. Гвардейцы шли в пыльных боевых шлемах, статные, загорелые; лица их, исполненные юношеской строгости, были освещены румянцем счастья и волнения...

Многое вспоминается ленинградской новогодней ночью, когда бродишь по прямым, блистающим улицам. Вот, выгнув лоснящиеся плечи, стоят атланты Эрмитажа. Глядя на них, с трудом представляешь, что они некогда поддерживали разрушенные бомбой своды и снег медленно сыпался вниз, на узорный паркет, где валялась люстра, похожая на огромный сплющенный цветок... На промерзших стенах висели пустые золотые рамы, и как странно было идти тогда по ледяным залам, читать бронзовые таблички и воскрешать в памяти краски и линии, формы и объемы, все прекрасное и вдохновенное, что жило в этих залах в дни мира...

Есть один великий день Победы, но сияние победы мы ощущали много раз, и много раз праздновали ее. Одним из таких сияющих радостью праздников был день открытия Эрмитажа после войны — день, когда картины снова вернулись в свои рамы, как возвращаются хозяева в свой дом.

Я остановилась у окон Эрмитажа и глядела туда, словно могла разглядеть сквозь стекла живой, светящийся мрамор Гудона, рубище рембрандтовского «Блудного сына», застывшего у дверей отчего крова. В Эрмитаже было тихо, и лишь ночные сторожа, быть может, проходили с дозором по пустым залам. Но мысль о том, что великий дом этот жив, что вечная жизнь искусства снова вернулась в его стены, — мысль эта так согревала сердце, что казалось, сам дом излучает тепло.

...Полночь. Одна из последних декабрьских ночей проходит над землею. Мы не торопим время, мы любим воздух и солнце каждого дня, и все же для ленинградцев трудовой, сорок восьмой год начался уже давно. Еще летом в заводских цехах можно было увидеть листы особых календарей, — они говорили о том, что в июне в этом цехе уже живут днями августа... И как поздравить предприятия с Новым годом, если они уже встретили его несколько месяцев назад, встретили славно, с истинной радостью?!

В Ленинграде много могучих, оснащенных передовой техникой заводов, но сейчас пришла на память небольшая фабрика, самое существо которой как бы пропитано веселой радостью мирного труда. Это фабрика имени Микояна. Тут в котлах, похожих на водолазные скафандры, вздувается пузырями варенье, тут карамельная лента бежит, мерцая, по конвейеру и директор Лев Мазур, добродушный и полный, похожий в своем белоснежном халате на детского врача, озабоченно разглядывает леденец, поднося его к близоруким глазам. Поистине тут бегут сахарные реки вдоль карамельных берегов, мир сладостей обступает тебя, как в ребяческих снах, и невозможно поверить собственной памяти, напоминающей о том, что в этих самых пахнущих леденцами цехах в дни блокады делали мины...

Я двигалась по городу дальше. Через светлую проходную я вошла во двор металлического завода имени Сталина. Во дворе, вплотную возле цеха, возвышалась большая мемориальная доска; на ней были написаны имена участников обороны Ленинграда, погибших в стенах завода во время бомбежки и артиллерийского обстрела. Освещенные фонарями, мерцали на доске имена героев — памятник доблести, памятник вечной славы.

Сквозь закрытую дверь цеха еще издали был слышен рокот машин. Это был тот особый, неповторимый шум цеха, который не спутаешь ни с чем, — ровный, как шум морского прибоя, упругий, разбитый на множество голосов, подобно хору, ибо каждый станок имеет свой тембр, свой «голос», свои модуляции. Я шагала через двор по направлению к паротурбинному цеху, и рядом со мною шел ночной мастер Николай Иванович Чирьев.

Мастер шел тяжеловатой, бесшумной походкой; маленькая кепка плотно сидела на его седой, круглой голове; умные, с лукавинкой, глаза сосредоточенно щурились. У Чирьева была манера говорить негромко, раздумчиво, глядя перед собой, будто говорил он только для себя, развивая вслух занимающие его мысли.

Он заговорил, когда мы вошли в цех. Большой паротурбинный цех был затянут по углам непрочным, легко расступающимся мраком, но вся центральная часть его ярко освещена. Пылали огромные колбы ламп, наполненные резким белым светом. Посредине цеха возвышался стенд, похожий на капитанский мостик. На стенде работали люди.

Шаркая ногами, мастер поднялся по громыхающим ступенькам вверх. Он огляделся и сказал негромко, ни к кому, как будто, не обращаясь:

— Это — ее нутро...

И помахал рукою, показывая на громадную, влажно поблескивающую деталь турбины. В голосе его была почтительность, он говорил о турбине с явным уважением. Внутри детали сидел молодой белобрысый слесарь и искоса, с любопытством поглядывал на нас оттуда, как из колодца. Шел монтаж турбины — живое, умное срастание разрозненных ее частей. Я разглядывала деталь и в это время услыхала позади голос Чирьева.

— А это — ее сердце... — сказал он с той же почтительной интонацией, и меня поразило, что негромкий его голос был явственно слышен среди больших и малых шумов цеха.

Чирьев стоял сейчас возле ротора и внимательно глядел на него. Длинное, черное и влажное, как у морского льва, тело ротора вращалось на станке. Токарь, наклонившись, обтачивал шейку ротора, серебристая стружка стекала с шейки, подобно легким струйкам воды.

— Громадные обороты будет давать при вращении! — задумчиво сказал мастер, глядя на ротор. — Недавно балансировали его, запустили для пробы, — такой ветер поднялся, что, верите, идти невозможно, с ног валит! Силища!

— А в гидротурбинном цехе сейчас днепровскую турбину делают? — спросила я осторожно.

Мастер пожевал губами.

— Делают... — нехотя ответил он; неожиданно в глазах его мелькнула лукавинка, и он подмигнул с мальчишеским озорством. — Ну, там работа куда грубее, чем у нас! — сказал он и покосился на меня. — Никакого даже сравнения! Тонкости той у них нет, скажу прямо. Ведь у нас работа какая? Для такой работы профессора нужны...

Он огляделся и показал рукою на безмолвный, неподвижный станок, темнеющий неподалеку от ротора.

— Вот, пожалуйста! — бойко проговорил он, подходя к станку мелкими быстрыми шажками. — Это товарища Мелехова станок, Георгия Иваныча. Кроме Георгия Иваныча на этом станке никто не работает. Ни боже мой! Для такого дела талант и наука нужны, честное слово! Вы вглядитесь в этот вал, что сейчас Мелехов обрабатывает... — говорил он, тыча коротким, крепким пальцем. — Голубчики мои, ведь он же цельнотянутый, каждый диск в нем не насадной, а цельный, из единого тела выточенный! Вы только вдумайтесь, какая это

работа! Тут не то что профессор, тут академик требуется! Нет, нет, — другого такого искусника, как наш Мелехов, на всем заводе нету. Орел!.. Есть такие люди, — вдруг сказал он сердито, — которые ужасно любят чужим восхищаться. Заграницей то, заграницей этакое, — ах-ха! А у наших турбин, если хотите знать, класс сейчас выше, чем у заграничных. Это я вам говорю, как мастер дела, можете мне поверить! Я на заводе, уважаемая, сорок лет тружусь, на всех станках работал, все образование прошел. Турбину я не только глазами вижу, все нутро ее понимаю. И я вам скажу, сейчас пусть у нас другие учатся, есть что показать, вот как!

Он шел вдоль цеха, и я шагала вслед за ним. Отбрасывая громадную тень, возвышались станки, величавые, как монументы индустрии. Озаренные яркими лампами, трудились люди, на станках вращались детали, маленькие голубые водопады эмульсии бежали по разгоряченному металлу. Могучая машина рождалась на свет. И, глядя на детали этой великолепной современной турбины, я почему-то вспомнила погруженный во мрак Таганрог, каким я увидела его вскорости после освобождения от врага.

Электростанция в Таганроге была взорвана, все машины фашисты вывели из строя, и только на одном заводе работала старенькая паровая машина. Она стояла на своем постаменте, окруженная облаком пара, пыхтела, вздрагивала и издавала время от времени глухие стенанья. Все содрогалось в ней, она в любую минуту, казалось, могла взорваться, но продолжала пыхтеть и трудиться, а люди глядели на нее не дыша, со страхом и надеждой, потому что она поочереди кормила заводы и давала немного света городу...

Возможно, этой старенькой машины давно уже нет в помине. Но я припомнила ее с неожиданной теплотой, глядя на могучую турбину, которая даст одному из наших городов энергию и свет.

Раздумывая об этом, я вышла из цеха на улицу. Большие облака, гонимые ветром, летели по небу. Город еще не спал. Многие мостовые были разрыты: в траншеях рабочие укладывали трубы газопровода.

В задних окнах оперного театра еще светились огни. Пожарный в каске медленно прошел вдоль пустынного коридора. Из боковой двери вышли два запоздавших музыканта. Они размахивали футлярами, где лежали примолкшие скрипки, и продолжали начатый разговор.

— Оперный композитор — это прежде всего музыкальный портретист! — воодушевленно прокричал один из них, и голос его разнесся по площади. — Вспомните тему в «Пиковой даме», — та-ри-та-ра...

Он остановился и пропел глухим тенорком тему, отбивая такт рукой. И долго еще в тихом переулке были слышны их голоса и тенорок, настойчиво повторявший музыкальную строчку...

Так двигалась я по ночному городу. Постепенно пустели улицы, исчезали автобусы, троллейбусы, трамваи.

И вдруг из-за угла прямо на меня вышла девушка.

Она была в брезентовом комбинезоне, в широкополой шляпе и высоких резиновых сапогах. Из-под шляпы выбивались русые волосы, румяные полные щеки по-детски вздрагивали на ходу. Девушка неторопливо и спокойно шла посреди мостовой, с такой свободой и уверенностью, как будто именно она была хозяйкой города и даже самая отчаянная ночная машина должна была отпрянуть в сторону или остановиться, завидев ее. Комбинезон девушки был выпачкан глиной.

Пораженная, я остановилась и глядела девушке вслед. Это была метростроевка, ни с кем в мире нельзя ее спутать! И тут же вспомнились весна метро в Москве, и такие же кариатиды, выходящие из-под земли в своих широкополых, забрызганных глиной шляпах, коренастые и крепкие, словно они поддерживали плечами земные своды... Вспомнились вышки метро и первый поезд, который с длинным, воющим гулом несся сквозь тоннель, пылая огнями...

С каким пристальным, влюбленным вниманием следили тогда все москвичи за работой Метростроя! Не такую ли пору переживают сейчас ленинградцы? Я огляделась, ища знакомые очертания вышки, и увидела ее неподалеку, за высоким частым забором.

Ворота приоткрылись и вновь захлопнулись, пропустив меня в просторный двор. Рокот лебедки сотрясал воздух, вдруг пронзительно вскрикнули гудки, и из штольни медленно выплыла вверх вагонетка. На вышке, посреди небольшой площадки, стояла рукоятчица — высокая красивая девушка с белокурой чолкой. Она тоже была одета в комбинезон, светлые волосы ее, освещенные яркой лампой, пылали, словно золото. Расставив ноги, она стояла на дощатом помосте, как капитан на корабле; вагонетка подплыла к ней, рукоятчица с неженской силой повернула ее — и порода с грохотом высыпалась из вагонетки в бункер. Секунда, — и пустая вагонетка снова на помосте, слышен пронзительный вибрирующий сигнал, — это рукоятчица запрашивает шахту: можно спускать? Басистый гудок отвечает снизу: давай, давай... Три гудка сотрясают воздух — майна, вниз, и пустая вагонетка проваливается в темный ствол шахты...

У лебедчицы флюс; управляя шумной своей машиной, она сердито поправляет повязку. Снова слышен гудок. Это снизу просят: забирай породу! И опять напрягаются толстые тросы и медленно плывет вверх по стволу вагонетка...

Кроме лебедчицы и рукоятчицы во дворе почти никого нет: все остальные в шахте, под землей. Рядом со мною стоит мастер смены, вылезший из-под земли на несколько минут, чтобы позвонить по телефону. Это коренастый спокойный человек, судя по выговору, украинец. Он внимательно глядит на рукоятчицу, потом глаза его переходят на девушку, управляющую лебедкой.

— Ось як тебя раздуло! — говорит он добродушно. — Нос, як цыбуля. Вдруг никто замуж не возьмет, а?

Лебедчица поправляет повязку и смеется.

Мастер снова глядит на рукоятчицу, стоящую на своей капитанской вышке.

— Сталинских лауреатов у нас еще нема, — говорит он виновато. — Но хорошие ребята имеются. Вот, к примеру сказать, Аня Алексеева. Ну, не девка, а огонь! Все у нее в руках аж горит: крепежный материал спустить — пожалуйста, вагонетку поднять — будьте любезны! Одна стоит наверху, а ворочается за троих. Комаров у нас — тоже очень замечательный работник. Опять же проходчики Акимов, Гришин... Проходчик — это кто? Это, если хотите знать, универсал! Сегодня он на отбойном молотке работает, завтра, к примеру, он уже крепит, это значит стал крепильщиком, потом, будьте любезны, раму делает, это значит стал плотником, потом, гляди, он и бетонщик и тюбингщик... Работа любительская! — говорит мастер увлеченно и глядит на шахту. — Болтик в тоннеле — тот надо ведь тоже поставить с душой...

Он косится на проходящий мимо грузовик и вдруг кричит во все горло шоферу:

— Э-эй! Ты что, не видишь, у тебя грунт сыплется? Подыми да положь обратно, тут тебе не бульвар, щоб землю рассыпать...

В шахте нет ни дня, ни ночи, там всегда один и тот же свет, одна и та же температура. По нескончаемой узкой лестничке рабочие спускаются вниз.

— Эскалатора у нас еще нема... — говорит мастер извиняющимся голосом. — Вот построим метро, тогда приходите, будьте ласковы, к нам кататься! Все будет культурно, красиво, тут тебе колонна з мрамора, тут тебе урна... А сейчас какой от нас интерес? Все в глине, чумазые... — лицо у него становится сокрушенным. — Не было бы войны, давно бы в вагончиках под землей ленинградцы катались... — говорит он и вздыхает.

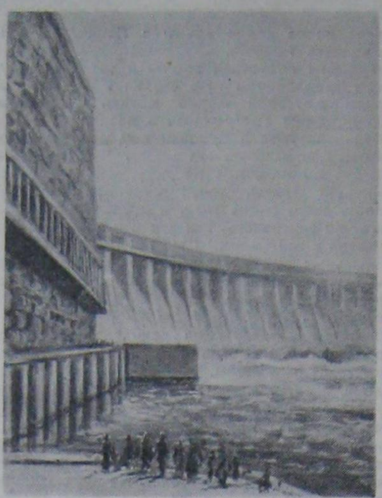
Лица проходчиков в их широкополых шляпах кажутся знакомыми, да и впрямь здесь многие из Москвы. Но есть и новая гвардия — люди, которых воспитывает Ленинградский Метрострой, и они проходят здесь сложную и доблестную школу. Их роднит с московскими метростроевцами та же увлеченность своим трудом, хозяйская гордость будущим метро, горячность, с которой они рассказывают о будущих станциях, тоннелях... Это чувство переживали и мы, москвичи, на заре Метростроя, и приятно припомнить его в ленинградской шахте метро, как вспоминаешь дни юности...

В шахте нет ни дня, ни сумерек, и когда я выхожу на поверхность, я вижу с удивлением, что начался рассвет.

Серое зимнее небо порозовело, стало выше и легче. Солнца не видно, но облака уже наполнились изнутри мягким, постепенно прибывающим светом. Бледнеют фонари, и бесполезный их блеск напрасно расточает свое сиянье. Первый трамвай пропел на повороте, как петух. Утренний, свежий шум наполняет улицы, оповещая о начале нового трудового ленинградского дня.

С Новым годом, Ленинград! С новым счастьем и здоровьем, с новым трудом и новыми победами!

Я желаю...

...чтобы вступивший в строй красавец Днепрогэс набрал в нынешнем году полную мощность — во всю силу всех своих турбин.

К. КУПЕЦИО

...чтобы самый мощный конвейер страны — железнодорожный транспорт — работал в 1948 году с точностью часового механизма.

И. ЖДАНКО

КОМЕДИЯ В 5 ДЕЙСТВИЯХ

Илья ЭРЕНБУРГ

Рисунки Л. Бродаты.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЖЕМС ЛОУ, американец.
ВАЛУА, мэр города.
ЕГО ЖЕНА.
ЕГО ДОЧЬ МАРГО, восемнадцати лет.
ДЕЛО, фабрикант.
ЕГО ЖЕНА.
РИШАР, председатель торговой палаты.
ПИКЕ, редактор газеты.
ЕГО ЖЕНА.
МАРКИЗ ДЕ ШАМПИНЬИ.
ПОЧЕТНЫЙ КОНСУЛ ЧИЛИ.
РЕНЕ ВИВЬЕН, писатель.
ГАСТОН, секретарь мэра.
ЧЛЕН МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА.
ЖЕЛИНО, репортер.
СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ.
МИМИ, машинистка.
ХОЗЯЙКА КАФЕ.
БУБУЛЬ, девица легкого поведения.
ФРАНСУА, официант.
КОРИДОРНЫЙ ГОСТИНИЦЫ.
УЛИЧНЫЙ ПЕВЕЦ.
ЖАКЕ, певица-любительница.
ПРОДАВЕЦ И ПРОДАВЩИЦА ГАЗЕТ.
ПОСЕТИТЕЛИ КАФЕ.
РАБОЧИЙ.
СТАРЫЙ РАБОЧИЙ.
ДЕВУШКА.
СТАРИК.
ЧЛЕНЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА.
РАБОЧИЕ. ГОРОЖАНЕ.

(Маленький провинциальный городок на юге Франции. Кафе «О'Лион». Мраморные столики, красные бархатные диваны вдоль стен, соломенные стулья. Стойка из цинка. За кассой дремлет толстая хозяйка. Официант Франсуа, старый скептик, вытирает тряпкой пустые столы и сдвигает стулья. В углу сидит Джемс Лоу, рослый американец, он все время чем-то занят: пьет коньяк, жует резинку, жестикулирует ногами, листает справочник, читает газету, записывает в карманную книжечку адреса и цифры. В другом углу четверо завсегдатаев, отцы города. Их столик покрыт зеленым суконным ковриком — они играют в карты. Здесь мэр — г. Валуа,— краснолицый и тучный, с окурком погасшей сигареты на нижней губе; председатель торговой палаты г. Ришар, жуир, с повадками иезуита; владелец ликерного завода г. Дело, болезненный, желчный; редактор газеты г. Пике, подвижный и пестро одетый).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДЕЛО (бросает карты). Ну и везет человеку!

МЭР. В первый раз слышу, что мне везет. Мари говорит: «Тебе везет, как индюку на рождество». Не верите? Пожалуйста, я могу доказать. Помните, когда сгорел магазин «Дам дю миди»? В двадцать седьмом. Я застраховал на сорок тысяч. Оказалось, товара погибло на сорок тысяч, и ко всему Мари заболела нервным расстройством. Потом я застраховал магазин на четыреста тысяч, я буквально разорился от взносов, и за двадцать лет ни одного пожара! Это вы называете «везет»? Когда я купил новый «ситроэн», сразу началась война и машину реквизировали. Стоило мне написать в газете, что мы победим, как пришли немцы. Три года они меня изводили этой статьей. В сорок третьем мне пришлось признать, что победили немцы. Я ничего не мог сделать: у Мари начались нервные припадки. Стоило мне это сказать, как немцы ушли и меня начали мучить коммунисты: почему я сказал, что победят боши, хотя все знают, как я страдал от немцев. Я вам говорю, что мне везет, как индюку на рождество. Стоило мне стать социалистом, как на выборах победили коммунисты. Теперь, когда наконец-то меня выбрали мэром, в городе началось чорт знает что — ни хлеба, ни угля, коммунисты готовят забастовку, и все валят на мэра. Картошки нет — виноват мэр, у русских какое-то «вето» — виноват мэр, дождь — тоже мэр виноват. Вот вам «везет»! Меня зовут Ив, но это случайно, я не Ив, я многострадальный Иов. (Сдает карты.)

РЕДАКТОР. После того, что мы пережили при оккупации, ничего не страшно. Я вспоминаю, как в этом кафе я увидел фон Шаубергера. Я встал и громко сказал: «Никогда я не буду сидеть в одном кафе с палачом». В ту ночь я ждал визита гестапо, и я написал самую страстную статью для подпольной газеты. Это было героическое время.

РИШАР. Я при немцах не ходил в кафе. У нас была даже инструкция нелегальной организации; мы не имели права ходить в кафе. А поскольку у меня собирались, чтобы слушать лондонские радиопередачи, я был засекречен.

ДЕЛО. Да, есть что вспомнить. Теперь пишут, что рабочие саботировали. А про нас, промышленников, молчат. Сколько раз я не сдавал немцам вовремя заказы!.. Господа коммунисты хотят переделать историю, отнять у нас лавры.

МЭР. Не только лавры — место, дом, даже жен.

РЕДАКТОР (игриво). Я не знал, что эти негодяи покушаются на госпожу Валуа.

МЭР. Ах, вы шалун! Два короля. (Сдает.)

(Входит посетитель, пьет рюмку у стойки.)

ПОСЕТИТЕЛЬ (хозяйке). Как поживаете, госпожа Лево?

ХОЗЯЙКА (просыпаясь). Отвратительно. Я больше не могу спать, я все время думаю об атомной бомбе. А коммунисты! Как вам нравится эта наглость? Разве вы не слышали, что в городе Мари-Лу? Три года писали, что ее убили, и вдруг она живая. Никому нельзя верить! Они все хотят, чтобы я умерла с горя. И ко всему дождь. В такую погоду люди сидят дома, а я теряю и деньги и здоровье. Хорошо, пусть страдают русские или американцы, они это заслужили. Но, скажите, при чем тут я?

РИШАР. Две дамы.

РЕДАКТОР. Эге, это не случайно! Госпожа Ришар вряд ли обрадуется.

РИШАР. С больной головы на здоровую. Вы, кажется, подарили Бубуль шелковую блузочку.

РЕДАКТОР. А вы нашли, что эта блузочка ей очень к лицу, не правда ли? У меня, как у редактора, самая свежая информация. Не смущайтесь: я одобряю ваш выбор. Бубуль — очаровательная девушка.

РИШАР. У меня с ней случайное знакомство.

РЕДАКТОР. Случайное, но далеко не поверхностное. Каждый вторник. Я ведь не ошибаюсь?

РИШАР. По четвергам. Не правда ли?

МЭР. Не спорьте, друзья, все там будем.

РЕДАКТОР. Кстати, господин мэр там тоже бывает — по пятницам.

МЭР (улыбаясь). Как мэр, я должен бывать повсюду и потом, как старый социалист, я ищу общения с народом.

ДЕЛО. Не понимаю, как вы можете в такое страшное время заниматься мальчишескими проказами?

МЭР. Знаете, дорогой друг, когда я впервые прочитал про атомную бомбу, мне захотелось сразу перецеловать всех девушек мира. Вы хотите сказать, что мы на краю катастрофы? Да. Именно поэтому я частенько спрашиваю себя: может быть, плюнуть на все муниципальные дела и отправиться к Бубуль? Неужели у вас не бывает таких поползновений?

ДЕЛО. Доктор мне запретил все отклонения от режима. Я не могу даже выпить стакан вина. Доктор говорит: «Спокойствие и еще раз спокойствие». А как я могу быть спокойным, когда судьба моей фирмы поставлена на карту? Да, ликеры «Дело и сына» славились на всю Францию, сто одиннадцать лет имя Дело поддерживало реноме французской культуры, и вот я должен присутствовать на своих собственных похоронах.

РИШАР. У вас какие-нибудь новые осложнения?

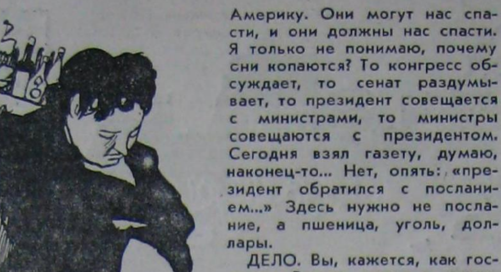
ДЕЛО. У меня каждый день новые осложнения. Я не могу получить апельсиновые корки из Испании. Почему? Да потому, что господам коммунистам не нравится генерал Франко. Что же, я должен приготовлять кюрасо из русских еловых шишек? Меня не интересует их политика. Я спрашиваю, кто хозяин на моем заводе: господа-коммунисты или я?

Теперь они требуют повышения расценок, грозят забастовкой. Если я уступлю, я разорюсь, а если они забастуют, я тоже разорюсь, потому что у меня срочные заказы. Их нужно обуздать, а ваши министры с ними разговаривают.

МЭР. Я могу понять рабочих — когда у человека нет денег на картошку...

ДЕЛО. Господин Валуа, нельзя служить и богу и дьяволу. Ваши социалисты ведут двойную игру. Это швейцары, они готовы распахнуть дверь перед каждым. А нам швейцары не нужны, нам нужен вышибала.

МЭР. Зачем горячиться? Я сказал, что могу понять рабочих. Понять — это не значит принять. Вы знаете, что я люблю коммунистов так же, как вы. Но нельзя всегда ударять в лоб, иногда лучше обходное движение. Вы говорите: или генерал или коммунисты. А где же тогда социалисты? Где у вас место для меня? Вы обязательно хотите, чтобы маятник раскачивался во всю прыть. Тик! Так! А я говорю: тише, тише, тик-так, где-то между «тик» и «так». Вот вам третья сила. Почему я против генерала? Конечно, он герой. Но его видно за тридевять земель. Он порождает слишком много чувств. Может быть, мне, как старому социалисту, удастся удержать ваших рабочих от забастовки, но попробуйте покажите им вашего генерала — сейчас же начнется резня. Дорогой друг, народ — это как моя Мари: нервы, всегда нервы. С народом нужно уметь разговаривать. Я ничего не имею против вашего генерала, но осторожно — помните о тормозах, это очень скользкий спуск. Погодите годик — другой, дойдет очередь и до генерала.

ДЕЛО. За «годик—другой» господа-коммунисты нас съедят живьем.

РИШАР. Знаете, почему господин мэр нам предлагает вооружиться терпением? Святой Августин сказал про господа бога, что он терпелив потому, что вечен.

МЭР. С каких пор вы начали цитировать святого Августина? Уж не собираетесь ли вы в монахи? Мари рассказывала, что вы теперь зачастили в церковь, даже исповедовались. Интересно, рассказали ли вы кюре про Бубуль?

РИШАР. Не помню, может быть, рассказал. Он обожает галантные истории.

РЕДАКТОР. Довольно несвязуемо... Я уж не говорю про Бубуль и госпожу Ришар, но меня интересует, как вы связываете Бубуль и его святейшество, папу римского?

РИШАР. Вполне. Добрый католик по средам и пятницам кушает постное, а по воскресеньям — скоромного поросенка.

МЭР. Шутки в сторону, вы действительно вдруг уверовали в бога?

РИШАР. В то, что он существует, нет. Но я уверовал, что это самое замечательное из всех человеческих изобретений — лучше и книгопечатания, и электричества, и атомной бомбы.

РЕДАКТОР. Знаете, как-то неловко — после Вольтера, после Анатоля Франса, после Фрейда вдруг вылезти с непорочным зачатием. В наш век прогресса...

РИШАР. При чем тут прогресс? Где небоскребы? Где лучшие машины? Кто изобрел атомную бомбу? Хорошо, а в той же Америке на каждом шагу церковь — католическая или лютеранская, баптистская или анабаптистская. Там, где много церквей, там мало коммунистов. Вы иронизировали, как совместить церковь и Бубуль? А это очень просто. Конечно, Бубуль — не мадонна и не Беатриче, но она не только не опасна для нашей западной культуры: она способствует ее развитию. А вот церковь и коммунисты — это, как вы изволили выразиться, «нечто несвязуемое». Я ничего не имею против человеческих слабостей. Нашу республику изображают обыкновенно девственной Марианной. У этих девственных дев тысячи опасных чудачеств. Куда лучше Магдалина: она ночью грешит, зато утром кается и покорно штопает носки.

МЭР. Я не верю ни в генерала, ни в папу, ни в Магдалину. У меня одна надежда — на Америку. Они могут нас спасти, и они должны нас спасти. Я только не понимаю, почему они копаются? То конгресс обсуждает, то сенат раздумывает, то президент совещается с министрами, то министры совещаются с президентом. Сегодня взял газету, думаю, наконец-то... Нет, опять: «президент обратился с посланием...» Здесь нужно не послание, а пшеница, уголь, доллары.

ДЕЛО. Вы, кажется, как господин Ришар, впали в мистицизм. Почему американцы должны нас спасать?

РИШАР. Хотя бы потому, что им не хочется погибнуть. Когда у клиентов нет денег, чтобы пойти в закусочную, сначала подыхают они, а потом и хозяин закусочной.

МЭР. Нет, дорогой друг, я ставлю вопрос иначе. Я не мистик, меня тошнит от ладана, но я не хочу свести все к грубой прозе. Нас связывают с Америкой общие идеалы. Мы дали им Лафайета. Теперь они должны нам дать доллары.

ДЕЛО. Боюсь, как бы вместо долларов мы не получили бы библию. Приехали эксперты, советники, наблюдатели. А где хлеб? Где уголь? Где доллары?

МЭР. Весной прилетают птички, а потом колосятся нивы. Наблюдатели — это первые ласточки. За ними придут пароходы с грузами. Я боюсь одного — что они не заглянут в наш город. А нам помощь еще нужнее, чем парижанам или марсельцам. Говоря прямо, мы попросту погибаем. Только Америка может нас спасти.

ДЕЛО. Жизнь меня сделала скептиком. Я могу поверить в генерала: он хочет нас спасти от господ-коммунистов, потому что ему самому страшно. А что американцам? У них два океана.

РЕДАКТОР. К нам они, во всяком случае, не заглянут. Я убежден, что никто в Америке даже не подозревает о существовании нашего города.

МЭР. Что-нибудь перепадет и на нашу долю. Ненужно отчаиваться. (*Стучит рюмкой о блюдце.*) Я всегда прислушиваюсь к голосу народа: привычка старого социалиста. (*Франсуа.*) Скажите нам, Франсуа, что вы думаете об американской помощи?

ФРАНСУА. Откровенно говоря, господин мэр, я об этом мало думаю. Но если вы меня спрашиваете, я скажу, что хорошо бы получить доллары без американцев.

(*Вбегает продавщица газет.*)

ПРОДАВЩИЦА ГАЗЕТ (*хрипло кричит*). Пари-пресс! Новая волна забастовок! Пари-пресс, шестой выпуск!

(*Дело лихорадочно просматривает первую полосу.*)

ДЕЛО. Что-то не видно ваших американцев. Террор, беспорядки, убытки. Социалисты продолжают болтать о «третьей силе», а господа-коммунисты тем временем устраивают забастовки. Это потоп, но без ковчега и без радуги.

РЕДАКТОР. Да, положение отвратительное... Интересно: даже в парижской печати есть про Мари-Лу. А ведь это я пустил... До некоторой степени сенсация...

РИШАР. А вы убеждены, что Мари-Лу действительно здесь?

РЕДАКТОР. Я не господь бог, я только журналист. Я убежден в одном: это — хорошее изобретение.

МЭР. Вы все впали в мистицизм. Как Мари-Лу может быть здесь, когда ее расстреляли в августе сорок третьего?

ДЕЛО. А если ее не расстреляли?

МЭР. Я убежден, что ее расстреляли. Мне рассказал об этом майор фон Шаубергер.

РЕДАКТОР (*усмехается*). Я не знал, что вы разговаривали с фон Шаубергером.

МЭР. Я с ним не разговаривал. Вы великолепно знаете, что я вел себя, как настоящий патриот. Он со мной разговаривал, вот что!.. Кстати, в вашей газете тогда писали, что немцы хорошо сделали, уничтожив «террористку». А ведь Мари-Лу застрелила немца, значит она была патриоткой.

РЕДАКТОР. Во-первых, это была не моя газета. Моя газета «Фламбо дю миди» не выходила при немцах, выходила «Фламбо дю жур», и я там был только пайщиком. Потом вы великолепно знаете, что я ничего не писал в годы оккупации, кроме заметок о рыбной ловле. У меня есть удостоверение от комиссии по чистке. Я не позволю никому чернить мое имя! Мы все должны были идти на мелкие уступки. Разве кто-нибудь упрекнет господина Дело за то, что он продавал свои ликеры немцам?

ДЕЛО. Странное сравнение! Я не писал при немцах даже о рыбной ловле. Я вообще никогда ничего не писал, и теперь я могу сказать, что я этим горжусь. Я думал не о доходах, я думал о Франции. Кто проиграл бы, если бы я закрыл завод? Немцы обошлись бы без моих ликеров. А французские рабочие умерли бы с голода.

РЕДАКТОР. Но факт остается фактом — за всю мою жизнь я столько не заработаю, сколько вы заработали за один сорок третий.

ДЕЛО. Почему вы это говорите сейчас? Почему вы не заявили об этом в комиссии по чистке? Я доказал, что мои доходы не превысили нормы. Я спас старую французскую фирму. Я и до немцев был владельцем завода. А вот если взять господина Ришара...

РИШАР. Можете брать, у меня спокойная совесть. Вы хотите сказать, что во время оккупации я купил четыре дома на улице Гамбетта? Это знают все. Я продал бошам втридорога бракованные ботинки. Я их надул — это был вполне патриотический поступок. Разве лучше было бы, если бы они надули меня? Все время я был связан с голлистами, и меня смешит, когда господин Дело, который приветствовал маршала Петэна, теперь кидает мне упрек...

ДЕЛО. Интересно, кто вам дал розетку «легиона» — Петэн или де Голль?

(*Общий шум.*)

ХОЗЯЙКА (*просыпается*). Какой ужас! Мне приснилось, что это атомная бомба.

МЭР. Друзья, зачем вы ссоритесь? Мы все были там и все оттуда вылезли. Все это нервы. Как у Мари... Никто никого не подозревает, я это заявляю, как мэр города. Мы все пережили ужасное время...

РЕДАКТОР. Я именно это и говорю, господин Валуа, мы все исстрадались. Я назвал книгу воспоминаний «Дневник мученика». Глупо теперь обвинять друг друга!..

РИШАР. Святой Фома Аквинский сказал, что нужно уметь помнить и уметь забывать. Именно поэтому я не могу понять, как может господин Дело...

ДЕЛО. Не я начал. Когда вы обвиняете старую французскую фирму, это наруку господам коммунистам...

МЭР. Не волнуйтесь, господин Дело, здесь ведь не коммунисты, мы ваши друзья. Мы все пережили ужасное время. Но если сравнить его с теперешним...

РЕДАКТОР. Да, теперь не легче.

МЭР. Теперь тяжелее. Я, как старый социалист, вправе сказать, что даже при немцах было лучше... (*сдает карты*).

ДЕЛО. Понятно, тогда мы могли надеяться. А теперь каждый знает, что сегодня хуже, чем вчера, и завтра будет хуже, чем сегодня. Теперь нам не на что надеяться. Я не знаю, каким образом воскресла ваша Мари-Лу, но одно ясно: если эта фурия в городе, нам действительно конец.

МЭР (*смотрит в карты, бормочет*). Не говорите, не говорите. Валет и король, отвратительные карты. Почему не на что надеяться? Америка.

Маршалл. Доллары. Бубуль. Отвратительные карты.

ДЕЛО. Два валета.

(Все бросают карты.)

РЕДАКТОР. Выиграл господин Дело. Франсуа, получайте, я плачу за все.

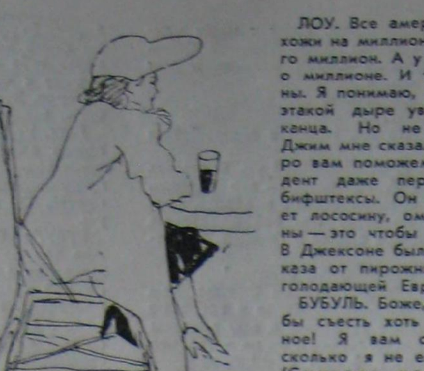
ДЕЛО. Не могу даже насладиться выигрышем: пью настойку на ромашке, а это такая гадость, что я не знаю, зачем я, собственно говоря, ее пью!

(Встают.)

Вы говорите, что я выиграл? Нет. Выиграли они.

МЭР (в дверях). Это вы о ком?

(Дело машет рукой. Они уходят.) (Входит Бубуль в дождевике. Франсуа несет ей стакан пива.)

ФРАНСУА. Добрый вечер, мадмуазель Бубуль!

БУБУЛЬ. Что нового, Франсуа?

ФРАНСУА. Отцы города только что отбыли. А из молодых никого не было. Дождь... (наклоняется к ней). Вон в том углу нечто новое...

БУБУЛЬ. Это что за фрукт?

ФРАНСУА. Ананас. Самый что ни на есть настоящий американец. Разрешите перенести ваш наблюдательный пункт?

(Бубуль садится за столик рядом с Лоу. Франсуа переносит туда стакан. Она разглядывает Лоу, который не проявляет к ней никакого интереса. В кафе входит новый посетитель, заказывает у стойки рюмку.)

НОВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ (хозяйке). Как поживаете, госпожа Лево?

ХОЗЯЙКА (просыпается). Ужасно! Вы читали анкету об атомной бомбе? Я третью ночь не сплю, не помогает даже валерьянка. А коммунисты? Что вы скажете о коммунистах? Все говорят, будто Мари-Лу воскресла. Тогда нам крышка... И ко всему этот дождь. Вы видите, как пусто? Я понимаю, что русские это заслужили. Но при чем тут я?

БУБУЛЬ (Лоу). Вы, кажется, скучаете?

ЛОУ. Скучаю? Ничего подобного. Скучать — это метафизика. Я занят делами. А когда я не занят делами, я сплю.

БУБУЛЬ. Простите, я думала, что вы скучаете. Иностранец, нет знакомых... Хотела вас немного развлечь болтовней...

ЛОУ (Франсуа). Эй, еще один! (Бубуль). Я пью коньяк, и я думаю. У нас, в Америке, люди не теряют времени. Я могу делать несколько вещей сразу — пить, разговаривать с вами, думать. У нас, в Америке, люди живут всесторонне.

БУБУЛЬ. Наверно, после Америки здесь все выглядит бедно, непривлекательно?

ЛОУ. Угу. Именно непривлекательно. Вместо домов какая-то рухлядь. В гостинице нет ванной. В кафе нет джаза. В булочной нет хлеба. Вообще нигде ничего нет. Я зашел в аптеку, хотел перекусить, а там только слабительное: Глупо и безнравственно. Если бы вы видели город, где я живу!..

БУБУЛЬ. Боже!.. Одним глазком взглянуть на Нью-Йорк! Я видела в кино... Такие небоскребы, что можно вывихнуть шею...

ЛОУ. Нью-Йорк — это не Америка. Там слишком много красных. Я живу в Джексоне. Это столица штата Миссисипи. Бары, банки, небоскребы...

БУБУЛЬ. На каком этаже вы живете? Наверно, не двадцатом?

ЛОУ. На первом. Но я часто бываю на тридцатом, там не живут, там делают доллары.

БУБУЛЬ. И вы тоже делаете доллары?

ЛОУ. Все американцы делают доллары.

БУБУЛЬ. Я вам признаюсь — вы мне очень нравитесь. Вы похожи на моего любимого киноактера. Его зовут Гарри, а фамилию я забыла. Я не могу запомнить ни одной американской фамилии. В вас что-то от ковбоя, а с другой стороны, сразу чувствуется нечто веское, значительное. Знаете, за кого вас можно принять? За настоящего миллионера.

ЛОУ. Все американцы похожи на миллионеров. У одного миллион. А у других мечты о миллионе. И таких миллионы. Я понимаю, что приятно в этакой дыре увидеть американца. Но не огорчайтесь. Джим мне сказал, что мы скоро вам поможем. Наш президент даже перестал кушать бифштексы. Он теперь кушает лососину, омлеты и бананы — это чтобы вам помочь. В Джексоне была неделя «Отказа от пирожных» в пользу голодающей Европы.

БУБУЛЬ. Боже, как я хотела бы съесть хоть одно пирожное! Я вам сейчас скажу, сколько я не ела пирожных. (Считает на пальцах.) Три года и четыре месяца. Я даже съела бы с удовольствием обыкновенную белую булочку. (Пауза.) Скажите, а вы не скупой? Я ужасно боюсь скупых.

ЛОУ. В Америке нет скупых. У нас для этого нет времени: мы должны сначала зарабатывать, чтобы тратить, а потом тратить, чтобы зарабатывать.

БУБУЛЬ. Вы чудесный! А я вам хоть немножко нравлюсь?

ЛОУ. Угу. Но зачем говорить о пустяках? Я теперь понял, почему французы выродились — они способны заниматься любовью в абсолютно трезвом состоянии. Я видел в Париже одного метафизика, который ухаживал утром, натощак. Глупо и безнравственно. Мне нужно четыре хороших виски или восемь коньяков, чтобы я заметил, что женщина — это женщина.

БУБУЛЬ (показывая на рюмку). Это который?

ЛОУ. Пятый.

БУБУЛЬ. Франсуа, два коньяка. Для господина двойной. (Лоу.) У нас маленький город, но и здесь есть люди с размахом. Я недавно встретила одного дипломата. Он приехал в наш город из Парижа; он говорит, что он устал от светской жизни. Он обожает театр, искусство. Он сказал мне, что я могу стать актрисой. Но я боюсь, когда меня слишком долго рассматривают... Он подарил мне вот это... (Вынимает из сумочки ассигнацию.)

ЛОУ. Угу. Пять долларов.

БУБУЛЬ. Вы не подумайте чего-нибудь плохого. Это он подарил на память, как цветок... (Пауза.) Мне сказали, что за доллар теперь дают триста франков. Это правда?

ЛОУ. Триста восемьдесят (смотрит на кредитку). Если вам дадут за эту бумажку восемьдесят, берите. Я понимаю, что ваш дипломат любит искусство. Вы знаете, что это? Это настоящая самодеятельность Марселя или Перпиньяна. Угу.

БУБУЛЬ (вытирает платочком глаза). А я думала купить две пары чулок... Ну все равно... Он такой знаток искусства... А я жадная...

(В кафе входит хромой певец с аккордеоном. Начинает хрипло петь.)

ПЕВЕЦ.

«За что мы воевали,
Скажи, товарищ, мне!
Победу отобрали,
Как ногу на войне»...

(Идет с тарелочкой к посетителям. Хозяйка проснулась.)

ХОЗЯЙКА. Я вам уже говорила, что это запрещено. Здесь приличное кафе, а не церковь.

(Бубуль подбегает к певцу, кладет монету на тарелочку. Певец уходит.)

БУБУЛЬ (Лоу). До войны он хорошо зарабатывал, он был лучшим танцором в городе. Когда я была девчонкой, я мечтала, чтобы он хоть раз потанцевал со мной. А потом он пошел на войну и потерял ногу.

ЛОУ. Вы думаете, что в Америке люди ничего не теряют? Бывает, что человек теряет не только дурацкую ногу, но миллионы. Один теряет, другой находит. Это потому, что у нас частная инициатива. Вы думаете, что я развлекаюсь в этой вонючей дыре? Ничего подобного. Джим мне сказал, что здесь много рухляди. Я лично не терплю ничего старого, но они на Пятьдесят девятой улице ахают: «Ах, Людовик XV! Ах, средневековый горшок!» По-моему, кино «Глория» в Джексоне куда красивее Собора парижской богоматери. Но есть антиквары, есть закон спроса и предложения. Я здесь всего один день, и с меня хватит. Хлам, трущобы, бездельники. И повсюду этот лев. Говорят, он достопримечательность XV века. А что в нем хорошего? Вы знаете, на кого он похож? На пуделя из бродячего цирка. Лев не должен стоять на задних лапах, это глупо и безнравственно.

БУБУЛЬ. Я привыкла, не замечаю... А почему он вас занимает?

ЛОУ. Потому что в Америке много сумасшедших. Вы знаете, сколько дадут за такого льва на Пятьдесят девятой улице? Десять тысяч долларов. Угу.

БУБУЛЬ. Вы изучаете древности?

ЛОУ. Я изучаю древности? Ничего подобного! Я проявляю частную инициативу. Это куда труднее. Мне сорок лет, и я хочу жить. Если нужно, я поеду на полюс. Если нужно, я поеду даже в Москву.

БУБУЛЬ. К нам никогда не приезжают иностранцы. Вот в Авиньоне папский дворец. В Ниме римские арены. В Марселе порт. А у нас ничего нет. Разве, что этот лев...

ЛОУ (что-то записывает. Франсуа). Еще один!

БУБУЛЬ (нерешительно). У вас в нашем городе дела?

ЛОУ. У меня всегда дела. Вчера я был занят пропеллерами. Сейчас меня занимает этот старый пудель. Может быть, завтра я займусь спасением Европы от разрухи. Мы, американцы, умеем в одно мгновение менять профессии, мысли, цифры. Мы живем всесторонне.

(С улицы доносится песня):

«Ты пламя партизанское
Раздуй в своей груди:
Нам нужно снова Францию
От уз освободить!»

ХОЗЯЙКА (просыпаясь). Какой ужас! Это Мари-Лу!..

ЛОУ. Кто это Мари-Лу?

БУБУЛЬ. У нас ее все знают. Во время оккупации она среди белого дня застрелила немецкого коменданта. На главной площади, возле льва...

ЛОУ. Угу. Смелая.

БУБУЛЬ. Конечно, она ведь коммунистка.

ЛОУ. Коммунистка? У нас тоже есть коммунисты, но мы решили с ними не церемониться. Где эта женщина?

БУБУЛЬ. Ее расстреляли немцы. Но теперь говорят, будто она снова в городе. Тогда это чудо, потому что ее расстреляли.

ЛОУ. Мы, американцы, не верим в чудеса. Мы реалисты. Конечно, это плохо, что ее расстреляли немцы, но что ее расстреляли — это хорошо. С коммунистами нельзя жить — они мешают делать доллары. Вы думаете, в Америке нет красных? Сколько угодно. У нас в Джексоне один коммунист начал говорить, что нужно русских оставить в покое. Мы ему предоставили покой... в городской тюрьме. Впрочем, зачем говорить о пустяках! (Что-то записывает.)

БУБУЛЬ. Неужели, когда с вами разговари-

вает молодая женщина, вы продолжаете думать о делах?

ЛОУ. Я всегда думаю о делах. Даже когда я сплю. Если человек не занят делом, он начинает думать о пустяках: один сочиняет стихи, другой целуется натощак, третий становится коммунистом. Здесь много таких метафизиков, оттого вы и гибнете. А мы—молодой народ, мы заняты делом. Почему мы стали первой нацией в мире? Потому, что у нас много дел и много долларов. (Франсуа.) Еще один! (Бубуль.) Вот вы увидели, что я американец, и сразу ко мне подсели. Это понятно. Это как план Маршалла, это как шестнадцать наций... А если бы я сказал, что я русский, вы бы, наверно, убежали. Потому что русский не может вам ничего дать, русский может только любезничать. Угу. Я реалист, и я понимаю, почему вы мне улыбаетесь. Сейчас у меня ничего нет, чековая книжка и перспективы. (Франсуа.) Еще один! (Бубуль.) Я не хочу вас обманывать... (Лоу все более и более пьянеет.)

БУБУЛЬ. Вы меня уже обманули — вы сказали, что после восьми коньяков вы становитесь кавалером, а это девятый, и вы все еще не замечаете, что я женщина. Право, я предпочла бы, чтобы вы были русским.

ЛОУ. Вы коммунистка?

БУБУЛЬ. Избави бог!

ЛОУ. У нас за такие разговоры вас отвели бы в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Угу.

БУБУЛЬ. Не нужно меня водить. У меня все документы в порядке. Вы можете спросить Франсуа, я ведь здесь бываю каждый вечер, это мой генеральный штаб.

ЛОУ. Причем тут штаб? Мы справимся с ними и без вас. Я видел одного русского, он даже не знал, что такое пылесос. Джим мне сказал, что русские прикатили в Берлин на наших машинах. Как тебя зовут?..

БУБУЛЬ. Бубуль.

ЛОУ. Глупо и безнравственно. А ее зовут «Гильда». Когда ее кинули в море, все острова разлетелись на кусочки.

БУБУЛЬ. Зачем вы это говорите? Я так боюсь! Когда нас бомбили, я кричала, как зарезанная. Неужели снова будет война?

ЛОУ. Угу. Обязательно. Пора с ними кончать — они нам мешают делать доллары. Джим сказал, что тридцать—сорок «гильд», и они разлетятся вдребезги.

БУБУЛЬ. Кто это Джим?

ЛОУ. Мой приятель.

БУБУЛЬ. Он, что же, пишет в газетах? Или генерал?

ЛОУ. Он, как я, всесторонний ум. В газетах пишут пачкуны. А генералы — это техники. Один проводит электричество в квартире, другой устраивает десанты. Мы все проявляем инициативу. А Джим сейчас в Париже. С миссией... Угу.

БУБУЛЬ. Он, может быть, сенатор?

ЛОУ. Я тебе говорю, что он больше, чем сенатор,— он занят делом. Когда я встречаю в Джексоне нашего сенатора, я ему говорю: «Хелло, Джек, как дела?»,— и он не знает, что ответить. (Франсуа.) Еще один!

БУБУЛЬ. Значит, вы знакомы с сенаторами?

ЛОУ. Знаком, когда хочу...

(Вбегает продавец газет.)

ПРОДАВЕЦ ГАЗЕТ. Франс-суар! Приезд новых американских наблюдателей! Франс-суар! Последний выпуск! (Франсуа берет газету и весело подмигивает Бубуль.)

БУБУЛЬ. Боже мой!.. Я ничего не понимаю... Неужели это правда?.. Но я не привыкла разговаривать с такими важными людьми... Вы не должны на меня сердиться, я не была никогда в Париже, я была только четыре дня в Марселе. А здесь нет высшего общества. Разве что мой дипломат. Но вы видали, как он меня надул... Вы, наверно, познакомитесь с мэром, я его знаю. Хитрый, а дурак. Редактор мне больше нравится. Но что редактор? Это, как вы сказали, пачкун. Простите, если я вам сказала что-нибудь лишнее, я ведь никогда не разговаривала с такими высокопоставленными мужчинами. Скажите, вы здесь инкогнито?

ЛОУ. Угу.

БУБУЛЬ. Тогда я не спрошу, как вас зовут.

ЛОУ. А тебя зовут Бубуль. Бу-буль. (Смеется.)

БУБУЛЬ. Боже, как это замечательно! Я думала, что такие вещи случаются только на экране (прижимается к нему). Милый... Ты такой необыкновенный. Ничего, что я говорю тебе «ты»? Я от счастья теряю голову. Я сижу с человеком, который знает всех сенаторов. Это, как в сказке... Милый, ты, может быть, знаком и с президентом?

ЛОУ. Угу. Недавно я забежал в Белый дом, пожал ему руку. Откровенно говоря, он не производит большого впечатления. Я лично предпочитаю Джима. Но пока он президент — пускай. Он никому не мешает делать доллары.

БУБУЛЬ. Боже, никогда я не думала, что мне так повезет! У меня есть подруга, она живет не здесь, а в Арле. Ей тоже повезло: на ней хотел жениться один американский лейтенант. Но ведь то был простой лейтенант, а ты знаком с президентом. И потом он на ней не женился. Он обещал ей прислать стеклянные чулки и надул. Милый, ты ведь приехал сюда с важной миссией, правда? Я никому не расскажу...

ФРАНСУА. Прошу прощения, сударь, закрываем: в одиннадцать выключают свет.

ЛОУ. Глупо и безнравственно.

ФРАНСУА. Вот именно. Я читал, что в Германии кафе открыты до двенадцати. Почему же победители должны жить хуже побежденных?

ЛОУ. Я вас отправлю в комиссию по антиамериканской деятельности. Официант не должен философствовать, официант должен подавать. Когда человек занят делом...

БУБУЛЬ. Милый, ты выпил одиннадцать коньяков, и ты еще думаешь о делах?

ЛОУ. Угу.

ФРАНСУА. С вас, сударь, тысяча четыреста франков. Чаевые не включены.

ЛОУ. Чаевые выключены. Как свет... У меня сейчас нет долларов. Чековая книжка и перспективы.

ФРАНСУА (хозяйке). Мечтал о долларах без американцев, а получил американца без долларов.

ХОЗЯЙКА (просыпается). Какой ужас! И ко всему эта бомба...

(Свет гаснет.)

ЛОУ. Угу. Знаешь, я кажется начинаю замечать, что ты — женщина.

(Продолжение следует).

Рисунок Л. Голованова.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Сергей НАРОВЧАТОВ

Пусть самой смертью подожжен пожар...
Но посреди обугленной планеты
Вручает смертным людям комиссар,
Как право на бессмертье, партбилеты.

Без громких слов и просветленных слез,
В своих переживаньях неречисты,
Платить свой первый и свой кровный взнос
Уходят молодые коммунисты.

И сто веков над миром прошумит,
Но в языке всесветного народа
Святое слово память сохранит
О рыцарях 42-го года.

Оно расскажет, как со смертной тьмой
Мы совладали в светопреставленье,
Как белый свет и честный род людской
Спасло мое стальное поколенье.

Духовный мир безмерной чистоты
Оно откроет перед их глазами,
И вместе с ним — мы верим — я и ты
Войдем в века за нашими вождями.

Оно расскажет, как прошли в борьбе
Мы весь 47-й, послевоенный...
Святое слово! Светоч всей вселенной —
ВКП(б)!

Судьбы четырех

Интеллигенция Дукорки

Километрах в пятидесяти от столицы — Минска — и в десяти от ближайшей железнодорожной станции, среди необозримых полей, лежит небольшая белорусская деревня Дукорка. За 30 советских лет из этой безвестной деревни вышло более 150 человек с высшим образованием: педагогов, инженеров, агрономов, врачей, военных специалистов, юристов, ученых, экономистов, работников искусств.

Педагог дукорской средней школы Василий Саввич Горбацевич обучает уже третье поколение сельской молодежи; его учениками в советское время были 1500 крестьянских детей.

Об этом рассказывалось в очерке Л. Хвата «Интеллигенция Дукорки», напечатанном в «Огоньке» (№ 44—45 за 1946 год). За 1947 год в редакцию поступил ряд писем от бывших воспитанников дукорской школы; много теплых, трогательных писем от своих прежних учеников получил сам В. С. Горбацевич. Его воспитанники живут по всей Советской стране: в Белоруссии и Закавказье, в Ленинграде, в Казани, в Заполярье и в Сибири, работают за рубежом Родины.

Ниже мы помещаем некоторые из этих откликов.

Деревенский школьник — инженер

С дукорской семилетней школой я распрощался в 1929 году, мне было тогда около шестнадцати лет. Спустя два года в минской школе строителей я получил специальность каменщика-штукатура. В моей жизни это было важным этапом: от школьной скамьи — к самостоятельному труду.

Работая на стройках Минска, я полюбил свое дело. От меня самого зависело продолжение образования: все дороги были открыты. И вот в 1932 году я поступил в Ленинградский автомобильно-дорожный институт, а через шесть лет защитил перед государственной комиссией дипломный проект. Получил оценку «отлично» и звание инженера-строителя дорог и мостов.

Я всегда помнил родную Дукорку и ученические годы. Там мои первые учителя прививали мне любовь к труду. И самым близким учителем, другом был Василий Саввич Горбацевич.

С начала войны я находился в рядах Советской Армии, в технической части, на обороне Ленинграда. Участвовал в строительстве знаменитой «дороги жизни» на Ладожском озере, соединявшей Ленинград со страной.

Я постоянно поддерживаю связь с Дукоркой и своей старушкой мамой Еленой Тарасовной.

Размышляя о своей биографии, я вижу в ней жизненный путь миллионов людей, которым советский строй открыл все возможности полного человеческого счастья. Жутко думать о той судьбе, которая ждала бы нас, детей крестьян-бедняков, не будь социалистической революции.

Инженер Пантелеймон Гляцевич

Ленинград.

Артистка белорусской драмы

Прочитав в «Огоньке» очерк о дукорской интеллигенции, я подумала: быть может, читателям журнала интересно услышать об ученице дукорской школы, ставшей артисткой; если не ошибаюсь, за тридцать советских лет я единственная из дукорцев, кто пошел по этому пути...

После начальной школы (окончила ее на «пятерки», а по арифметике было даже «пять с плюсом») я в 1916 году выдержала экзамен в женскую учительскую семинарию в городе Борисове. Лето 1918 года — первое советское лето — проводила в родной деревне. Наши дукорские учители задумали поставить спектакль и предложили мне сыграть роль веселой, озорной горничной в каком-то водевиле. Было мне пятнадцать лет, никогда не видела я театра и даже кино; было страшно, но я согласилась. На другой день роль знала наизусть. Как играла, не помню, но после спектакля — на танцах под гармошку — не было отбоя от кавалеров; танцевала, не разгримировываясь, и все посматривала в зеркала (играли в бывшем помещичьем доме). Какой красавицей казалась себе! С того вечера и зародилось желание играть. Мечтала: стану учительницей и буду устраивать спектакли со своими учениками...

Однажды с нашим учителем Василием Саввичем Горбацевичем мы порешили спеть отрывок из «Демона». Я подала мысль — сыграть, а он, неугомонный энтузиаст самодеятельного искусства, загорелся: спеть! Я и не предполагала, что спектакль можно петь, но Василий Саввич научил меня «с голоса»: «Ночь тиха, ночь светла...» Голос и слух у меня были. Несколько дней я носилась, как одержимая; вымолила у кого-то пару тюлевых занавесок, смастерила из них, не разрезая, платье и головной убор; сшила туфли. Трико черное у Василия Саввича имелось, а из кумача сделала плащ, и — спели...

Профессиональной актрисой я не думала стать, но тут как раз приехали члены правительства на митинг в соседнее село и вызвали меня. Пошла по деревне молва: «За Тацяною на машыне прыехали!..» Все это было неожиданно и страшно: перелом в жизни! Помню благословение мамы, которой я кое-что объяснила, почему пришли за мной в нашу крохотную хату.

Начались занятия в белорусской студии в Москве. Наши руководители — самозабвенные энтузиасты, а мы «дикие», ничего не знающие любители, но с открытыми глазами и сердцем. То, что преподаватели заронили в нас и развили, так крепко «сидит», что останется на всю жизнь. С тех пор я, как умею, служу своему дорогому народу, являясь актрисой Белорусского драматического театра имени Я. Коласа и одной из его основательниц.

Связь с нашей Дукоркой у меня давно порвалась, но то, что дала мне дукорская школа, явилось основным и надежным «грунтом»; дальше я всегда училась успешно. Дорого мне влияние учителя Василия Саввича: свое увлечение искусством он передал мне, и я стала актрисой. А главное, он научил меня любить и понимать народное творчество. Всегда Василий Саввич говорил очень образно, сочно и остроумно; поразительны его знания обычаев, сказок, песен. О своем учителе я вспоминаю с благодарностью.

Коротко о нашей семье. У отца до революции было восемь детей да две десятины земли. После окончания сельской школы (у того же Василия Саввича) мой брат Владимир получил в советское время высшее образование и стал инженером-строителем; Николай, проработав три года у деревенского кузнеца, тоже учился, и с 1944 года он главный конструктор завода тяжелого машиностроения в Донбассе; Иван — заместитель начальника цеха на крупном заводе в Казахстане; сестра Елена — экономист в одном из министерств Белорусской ССР; трое братьев — Алексей, Сергей и Илья — не вернулись с фронтов Отечественной войны.

Татьяна Бондарчик,
артистка Белорусского государственного драматического театра имени Я. Коласа.

г. Витебск, БССР.

Двадцать пять лет спустя

Любимый Василий Саввич!

Я прочел в журнале «Огонек» очерк «Интеллигенция Дукорки». Вы не поверите, с какой радостью узнал о Вас, мой дорогой учитель, с каким волнением рассматривал на фотоснимках знакомые черты любимого старшего друга своей юности — Василия Саввича.

За тысячи километров от родных мест не один раз вспоминались мне школьные годы, друзья, учителя, и на первый план вставал всегда образ Василия Саввича. «Огонек» снова напомнил мне о счастливой юности в дукорской школе, об ее строителях, не жалевших сил для народного просвещения.

Я и теперь, двадцать пять лет спустя, могу дословно пересказать Ваши наставления крестьянской молодежи. Помню, как Вы читали нашему классу свою пьесу «Чырвоныя кветки Беларуси», как дрожал Ваш взволнованный голос, а мы, школьники, не могли сдержать слез и, сжимая кулаки, готовы были броситься на ненавистных врагов социализма, чтобы отомстить за смерть лучших сынов нашего народа, за смерть героев, которых мы знали и лично... Помню, как во время белопольской оккупации меня «за безбожье» вышвырнули в холодную зиму из класса на улицу и как Ваше заступничество дало мне возможность продолжать ученье... Не забыты и школьные экскурсии во главе с Вами в сельскохозяйственное училище и в Минск, где мы, подростки, впервые познакомились с театром. А сколько потом мы сами, под Вашим руководством, ставили спектаклей!.. О, как хотел бы я, пусть на миг, снова стать юношей Петей Осипчиком, учеником жизнерадостного и неугомонного молодого Василия Саввича!

Под впечатлением прочитанного я много рассказывал товарищам о дукорской школе, о нашей деревне, с бревенчатым настилом на единственной улице, а нынче рассказал о былых школьных днях своим двум дочуркам, ученицам 3-го и 1-го классов.

Последний раз я Вас видел, пожалуй, лет

Жемчужина Урала

Урал — жемчужина Советского Союза. В недрах Урала представлены почти все элементы периодической системы Менделеева.

В городе Свердловске, во всемирноизвестном Уральском геологическом музее, собрано около двадцати тысяч образцов горных пород. Автор чудесных уральских сказов Павел Петрович Бажов, побывав здесь, сказал:

— Даже нам, давно живущим на Урале, надо бывать в этом музее Уральских гор как можно чаще, и каждый раз он поразит новой гранью.

...На полированных подставках лежат тяжелые черные массивные куски породы. До 1930 года сокровища горы Магнитной, представленные этими образцами, лежали втуне. Академик А. Н. Заварицкий впервые подсчитал запасы этой горы. На их базе был построен величайший в Европе Магнитогорский металлургический комбинат, носящий имя И. В. Сталина.

Шершавые красноватые глыбы. Это бокситы, найденные несколько лет назад на севере Урала инженером-геологом Н. А. Каржавиным. Сейчас из североуральских бокситов извлекается первосортный алюминий.

Рядом с бокситами уральский марганец. Основным поставщиком марганца для промышленности до недавнего времени был Никополь. Когда немцы захватили Никополь, за границей считали, что советская металлургия попадет в затруднительное положение, ибо без марганца стали не сваришь. Тогда-то геологи Урала и открыли Марсятское и Полуночное марганцевые месторождения. Мартены советских заводов продолжали бесперебойно варить сталь.

Беловатые рассыпчатые камни. Это так называемое «горное мясо», асбестовая руда высшего класса. Возьмите несколько кристаллов, сомните их пальцами — они превращаются в пышную легкую вату. Из этой ваты изготовляется материал для пожарных костюмов, рукавиц и т. п.

Следующий отдел музея посвящен драгоценным и поделочным камням.

Темнофиолетовые аметисты обладают свойством изменять свой цвет. Вечером они загораются кроваво-красными отблесками. Один иностранный ученый, посетивший музей, оставил в книге отзывов выразительную запись: «Действительно, стоило проехать много тысяч миль, чтобы увидеть аметисты Урала».

С аметистами соперничают красотой изумруды, дымчатые и золотистые топазы, аквамарины, бриллианты.

Вот лучшая в мире коллекция знаменитых уральских яшм. Трудно оторвать взгляд от причудливых узоров этого камня. Кажется, они нарисованы художником. Но автор этих пейзажей — сама природа. Рассказывают, что сюда, в музей, нередко приходят художники, чтобы сделать наброски с узоров яшмы.

Под стеклом соседней витрины лежит редкий «еврейский камень» (его называют также «письменный гранит»). Камень состоит из трех минералов: полевого шпата, слюды и кварца. Кристаллы кварца в толще полевого шпата действительно напоминают древние еврейские письмена.

Вот еще несколько игрушек природы: крупный кристалл арагонита, похожий на каменный цветок; кусок прозрачного горного хрусталя, пронизанный тончайшими темными нитями,—такая разновидность горного хрусталя называется «волосатик».

Бесценны сокровища музея. Образцы платины, самородного золота, алмазов, искусные изделия из малахита, орлеца, офита, серпентина... Музей не зря называют «Жемчужина Урала»!

Валерьян Владимирович Куйбышев, чье имя носит улица, где находится музей, когда-то призывал комсомольцев и пионеров изучать богатства своей Родины, помогать работе советских геологов. Этот призыв глубоко запал в души молодежи. Фонды музея беспрерывно пополняются. Сюда сдают свои находки и профессиональные «охотники за камнями», и студенты, и пионеры, вернувшиеся из походов по родному краю. В дар музею приносят свои коллекции многие научные работники. Совсем недавно профессор А. Е. Малахов подарил музею свою коллекцию образцов породы с вкраплениями молибденита, а инженер З. И. Кравцова — редкие образцы чешуйчатого графита.

Музей — подлинное детище Урала. Уральцы любят его и гордятся им. Особенно ярко их чувства выражает одна из записей в книге отзывов:

«Во всей своей красоте, силе, могуществе, богатстве встала перед нами «земля золотая» — Урал. Чувство законной гордости охватило все существо при мысли, что мы уральцы; что мы люди, которым дана возможность жить, работать и творить в таком богатейшем крае, как Урал...»

Мих. Златогоров

На снимках: Уральский геологический музей, отдел полезных ископаемых; крупный кристалл; «каменный цветок», кристаллы арагонита; след зубов акулы на камне.

двадцать назад. Уже двенадцать лет я офицер Советской Армии; сейчас — партийно-политический работник войскового соединения, в звании подполковника. Занимаюсь на философском факультете Университета марксизма-ленинизма.

Желаю Вам счастья и здоровья на многие годы. Обнимаю Вас и жму Вашу руку.

Ваш бывший воспитанник подполковник П. Г. Осипчик

P. S. Если Вы позабыли мою фамилию, быть может, вспомните худощавого юношу с римским носом, своего ученика в 1918—1922 годах из деревни Голоцк...

Источник гордости

Мой дорогой учитель!

Находясь далеко от Родины, от земли, на которой родился, рос, учился понимать жизнь и приобретал основные познания, я встретил ваше, Василий Саввич, имя и другие близкие имена в журнале «Огонек» и погрузился в отдаленные, но дорогие сердцу воспоминания.

Светлыми и радостными представляются мне годы жизни и занятий в Дукорке. С уважением и гордостью называю я имена людей, которые своей душевностью и теплотой, старанием и опытом умело развивали в детях лучшие человеческие качества, воспитывали в нас чувства любви к своей Родине и народу, к своему языку.

Не скрою от Вас, что статью в «Огоньке» я с восторженной радостью за земляков и товарищей по школе читал десятки раз своим друзьям и просто знакомым. Это вызывало и у них поток воспоминаний, и каждый с такой же теплотой и гордостью говорил о своем «Василии Саввиче» — учителе и воспитателе.

Горжусь тем, что наша Дукорка дала стране сотни преданных строителей коммунистического общества, советскую интеллигенцию, специалистов для различных областей народного хозяйства, обороны страны и социалистической культуры.

Никогда не забудем мы тех, кто отдал жизнь за свободу, счастье и процветание сотен тысяч Дукорок. Глубокое горе испытал я, узнав о гибели на фронтах моих дорогих друзей — Тихона Лабуса и Шуры Каледа...

Несколько строчек о себе. Скоро девять лет, Василий Саввич, как я вступил в жизнь, выйдя из стен нашей школы. Окончив до войны танковое училище, я воевал в 1941 году на танке, был ранен и получил тяжелые ожоги в горящей машине. Потом полтора года учил на Урале молодых танкистов, а в начале сорок третьего добровольно вернулся на фронт. Прошел путь от Сталинграда за Карпаты. Был снова ранен. Участвовал в освобождении Праги, взятии Будапешта и Вены. Имею шесть правительственных наград. В прошлом году окончил с отличием танкотехническое училище... Вот так, воюя и учась, провел девять лет. Заочно занимаюсь на инженерном факультете академии, думаю за три года осилить. Досуга у меня, пожалуй, и не бывает... Если бы Вы, Василий Саввич, только знали, как хочется скорее вернуться на родную землю!..

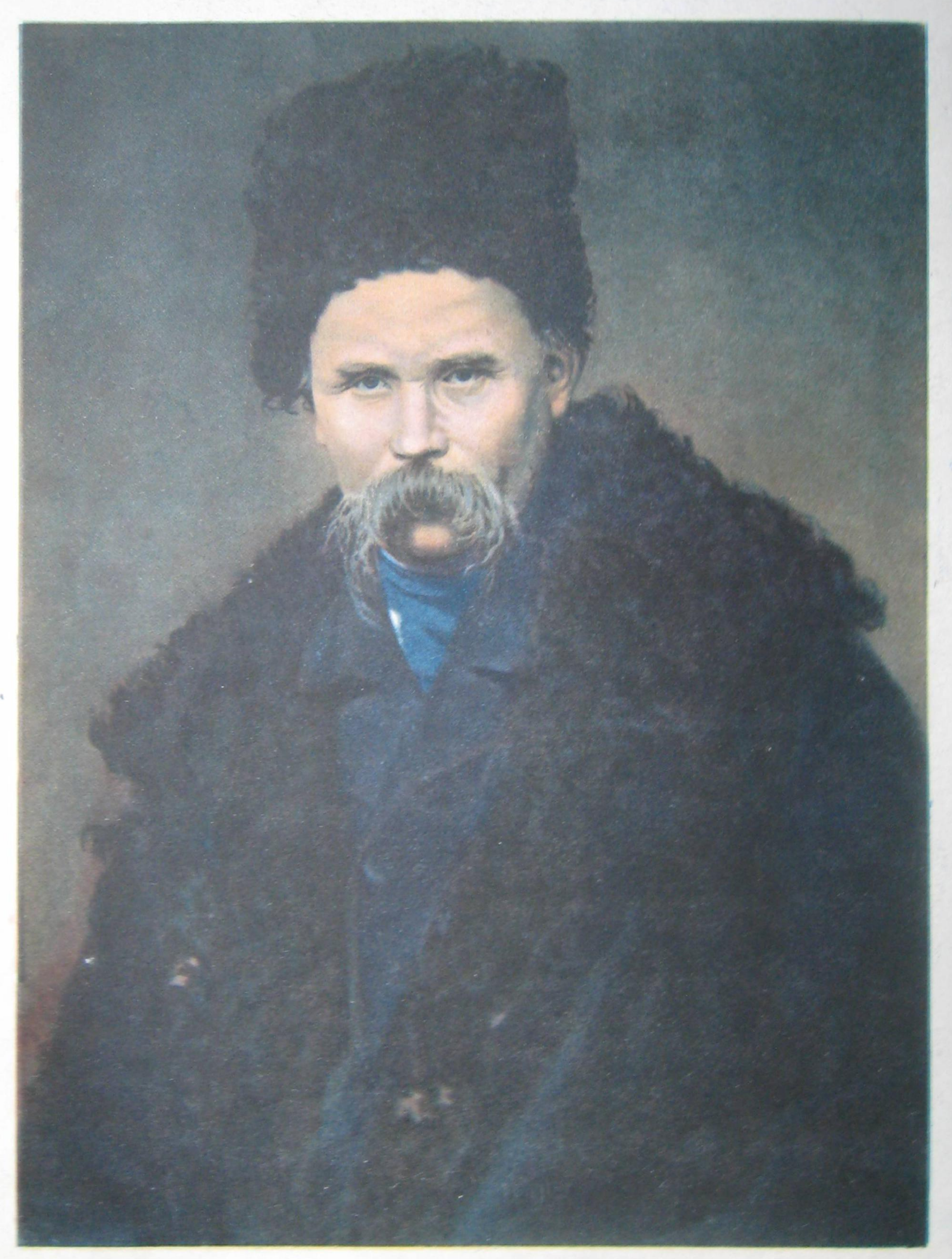
Посылаю искренний привет Павлу Никитичу, Валентине Кузьминичне и всем, кто помнит наш школьный выпуск. От всего сердца желаю Вам плодотворной работы, здоровья и долголетия.

Ваш ученик Василий Алексейчик

Н. А. НЕКРАСОВ.

Портрет работы И. Н. Крамского, 1877 год.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Портрет работы И. Н. Крамского, 1871 год.

МОЛОДЕЖЬ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Фото А. Горнштейна

«Гран-па» из балета Глазунова «Раймонда».

Творческий отчет молодых исполнителей Государственного ордена Ленина академического Большого театра СССР, отчет большого коллектива молодежи,— весьма интересное театральное событие. Перед общественностью Москвы выступили артисты — воспитанники советской эпохи и их руководители — режиссеры, постановщики, тоже выросшие, как мастера, уже в наше время.

Это был своеобразный парад творческих достижений нашей театральной молодежи: балетной, вокальной, инструментальной. Парад, глубоко осмысленный, ибо молодые артисты Большого театра сумели показать в этом концерте не только, как великолепно и благородно они восприняли лучшее из классического наследия русского балета, вокала и музыки, но и как созвучно их творческим и духовным устремлениям все современное.

Свыше 75 человек участвовало в этом концерте — цифра сама по себе огромная. Приятно отметить также, что среди этой молодежи есть таланты, удостоенные высокого звания лауреата Сталинской премии и заслуженного артиста республики и завоевавшие славу не только у нас в стране, но и на фестивале демократической молодежи в Праге летом этого года. Мы говорим о пяти участниках отчетного концерта в Большом театре — певцах Веронике Борисенко, Леокадии Масленниковой и Иване Петрове, танцовщике Юрии Кондратове и солисте-трубаче Тимофее Докшицере.

Выступает молодая артистка Большого театра певица Е. Смоленская.

Танец «Натуралист» в исполнении Г. Фарманянца.

Центральным номером вечера было выступление балерины Майи Плисецкой в отрывке из балета Чайковского «Спящая красавица» (постановка Асафа Мессерера). Адажио в тонком исполнении Плисецкой раскрывает большое лирическое дарование талантливой танцовщицы.

«Гран-па» из балета Глазунова «Раймонда» в исполнении 17 молодых танцовщиков и танцовщиц во главе с Л. Черкасовой и Ю. Кондратовым воскрешает лучшие традиции классического балетного спектакля, поставленного несколько десятилетий назад знаменитым русским балетмейстером М. Петипа. Танцы Л. Черкасовой своим благородством завоевывают успех у зрителя.

Большая эмоциональная насыщенность, четкость художественного рисунка и глубокая проникновенность отличают «Вальс» (музыка А. Рубинштейна), исполненный балетными артистами И. Тихомирновой, недавно получившей звание лауреата Сталинской премии, и Г. Фарманянцем.

Приятной неожиданностью было выступление молодой певицы Е. Смоленской, принятой недавно в труппу Большого театра. Ей, обладательнице драматического сопрано с хорошими вокальными данными, несомненно, предстоит большое будущее.

Второе отделение концерта в основном было посвящено музыке и балетам современных композиторов. Коллектив молодых артистов Большого театра блеснул остроумной выдумкой и находчивостью, создав ряд интересных балетных номеров на международные темы — «Международное кафе» (постановка А. Радунского и Л. Варламова) и «Заокеанский корреспондент» (постановка Л. Варламова).

Превосходным номером этой части программы было выступление народного артиста БССР, лауреата Сталинской премии А. Ермолаева, преподнесшего молодежи Большого театра своеобразный «подарок». Исполненный им новый балетный номер «Агрессор», острый по форме и злободневный по содержанию, будет пользоваться популярностью у советского зрителя.

В организации вечера молодежи Большого театра приняли участие выдающиеся мастера советского балета лауреаты Сталинской премии Р. Захаров, А. Мессерер, В. Бурмейстер, заслуженный артист РСФСР А. Радунский, Л. Поспехин, дирижер Ю. Файер, оркестр Большого театра и др.

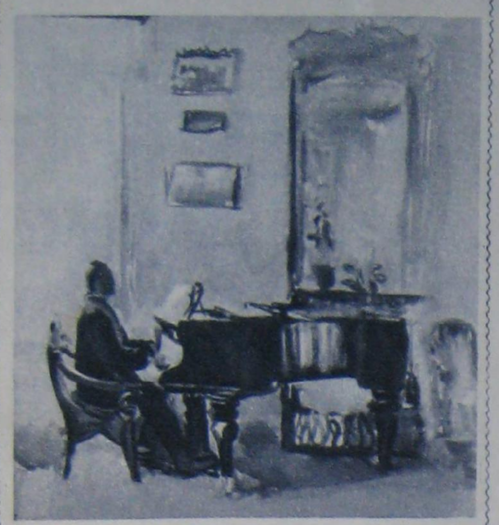
Всяческого поощрения заслуживает инициатива коллектива молодежи Большого театра, решившего показать весь этот концерт во Дворцах культуры и на подмостках рабочих клубов.

А. ШИНСКИЙ, Л. МИХАЙЛОВ

Танец «Агрессор» в исполнении лауреата Сталинской премии А. Ермолаева.

Я желаю...

...чтобы советские музыканты и в 1948 году прославили Советскую страну новыми выдающимися произведениями.

Ф. ШУРПИН.

...чтобы в 1948 году Комитет по делам искусств и Академия художеств основали, наконец, постоянный музей советской живописи, скульптуры, графики — мечту всех советских художников.

В. ШТРАНИХ.

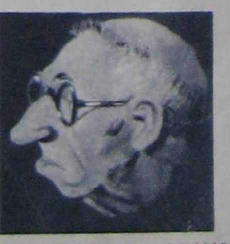
...чтобы в 1948 году «Крокодил» не был таким,

«Огонек» не был таким,

плакаты не были такими

и автор этих пожеланий не стал бы таким.

М. ЧЕРЕМНЫХ.

НАУКА и техника

Научные предвидения Н. А. Морозова

Беседа с академиком С. И. ВОЛЬФКОВИЧЕМ

Летом 1946 года умер выдающийся гражданин нашего отечества, почетный академик Николай Александрович Морозов — ученый-энциклопедист и писатель, старейший революционер-«шлиссельбуржец». Он был похоронен в усадьбе «Борок» — бывшем отцовском имении, которое, по указанию В. И. Ленина, было передано в пожизненное пользование Н. А. Морозова. Сейчас в «Борке» по решению правительства организуется музей имени академика Морозова.

Перу Н. А. Морозова принадлежат работы по математике, физике, химии, астрономии, геофизике, метеорологии, авиации, истории. Кроме того Н. А. Морозов написал ряд автобиографических, мемуарных и публицистических произведений и даже стихов. Среди всех этих работ особое место принадлежит книге «Периодические системы строения вещества», впервые изданной около сорока лет назад. Специальная комиссия по разбору научно-литературного наследия Морозова приняла решение переиздать эту, полную научного предвидения книгу. В XVI томе (выпуск 3-й) журнала «Успехи химии» профессор М. И. Усанович дает анализ мыслей и взглядов Н. А. Морозова, изложенных им в его замечательной книге.

Над книгой «Периодические системы строения вещества» Н. А. Морозов работал, находясь в одиночном заключении царской тюрьмы в Шлиссельбурге, в восьмидесятых и девяностых годах прошлого столетия. Как и ее автор, эта книга была осуждена на бессрочное заключение. Н. А. Морозов пытался ее обнародовать, но — увы! — безуспешно. Однажды, когда каземат посетил тогдашний министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, Морозов просил отдать книгу Д. И. Менделееву или другому выдающемуся русскому химику — Н. Н. Бекетову. Царский сатрап взял рукопись, но передал ее более благонадежному ученому, профессору Д. П. Коновалову. Не согласившись со смелыми, пророческими высказываниями автора книги, Коновалов тем не менее дал о работе Морозова лестный отзыв. Это, однако, ни к чему не привело: книга вернулась в одиночную камеру к Н. А. Морозову. Так она и осталась бы с ним в бессрочном заключении, если бы не революционные дни 1905 года, которые освободили Морозова из заключения. Он вынес из тюрьмы двадцать шесть томов различных рукописей и среди них ту, о которой сейчас идет речь. В 1907 году крайне ограниченным тиражом вышла книга «Периодические системы строения вещества». Она не привлекла внимания широких научных кругов. Но те немногие деятели науки, которые внимательно прочли работу, были поражены смелостью мыслей автора и заговорили о необходимости проверки и дальнейшей разработке идей Морозова.

Во время своего 28-летнего одиночного заключения Н. А. Морозов изучал проблемы химии и физики и одиннадцать языков. Но проверить свои мысли и выводы лабораторным путем он не мог.

Особое внимание Н. А. Морозов уделял вопросам строения вещества. К этому разделу науки и относятся его научные предвидения, нашедшие свое подтверждение спустя полвека.

Заместитель председателя комиссии по разбору научно-литературного наследия Н. А. Морозова академик С. И. Вольфкович вкратце охарактеризовал по нашей просьбе взгляды покойного почетного академика, с которым он был хорошо лично знаком и с которым в последние годы находился в переписке.

— В книге «Периодические системы строения вещества», — сказал корреспонденту «Огонька» С. И. Вольфкович, — и в другом, вышедшем несколько позднее труде «Д. И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего» Николай Александрович Морозов развивает мысль о сложном строении атомов и обосновывает сущность периодического закона химических элементов. Надо помнить, что эти идеи были высказаны Н. А. Морозовым еще до известных работ Рамзая, Кюри, Бора, Розерфорда и других!

С. И. Вольфкович обратил наше внимание на следующие строки в книге Н. А. Морозова:

«Можно ли отсюда заключить, что атомы основных веществ, заключающихся в нас и в окружающих нас телах, не распадаются никогда на более первоначальные частички при каких-либо иных космических условиях, вроде тех небесных пожаров, которые обнаруживаются время от времени при спектральном исследовании внезапно вспыхнувших звезд? Конечно, нет. С таким же правом мы могли бы сказать, что все виды животных и растений существуют вечно!

Есть много данных за то, что атомы химических элементов тоже совершают свою эволюцию в бесконечной истории мироздания...

Но все эти идеи, а также самая мысль о возможности эволюции химических элементов на более первоначальные вещества уместны только в том случае, если мы будем рассматривать современные атомы, как единицы сложные...».

Когда Морозов писал эти строки, физика и химия учили, что элемент есть неделимая и не подлежащая изменению основа основ. Н. А. Морозов страстно утверждал обратное. Говоря о задачах химии будущего, он подчеркивал, что она должна заняться «синтезом элементов». Атомы — не простые тела, а сложные системы, настойчиво заявлял Н. А. Морозов.

— Он считал, — поясняет С. И. Вольфкович, — что в каждом атоме содержатся электроны — «катодий» и «анодий» — неизвестного еще по своим свойствам протоэлемента «небулярия». «При распаде каждого атома, — говорил Н. А. Морозов, — образуется гелий».

За полвека, истекшие с тех пор, как были высказаны эти мысли, идеи Морозова о сложности атомов и возможности объяснения периодического закона на основе строения атомов получили полное экспериментальное подтверждение. Замечательно, что, опираясь на свою гипотезу о строении атомов, Н. А. Морозов пришел к не менее важным выводам, в наши дни нашедшим подтверждение в ряде открытий.

Развивая свои представления о строении атомов, Н. А. Морозов был чрезвычайно близок к одному из основных принципов теории относительности.

Структурные формулы Н. А. Морозова не передают действительное строение атомов: в них нет деления на ядро и оболочку. Модель Морозова принципиально отличается от современных представлений и по другим признакам. Но тем не менее еще полвека назад русский ученый смело и уверенно стал на точку зрения о сложном строении атомов, о превращаемости элементов, об искусственном получении радиоактивных элементов, о необычайных запасах внутриатомной энергии и возможности ее использования.

«То, что было безумной мечтой у древних алхимиков, — писал почти 50 лет назад Н. А. Морозов, — может скоро сделаться бескорыстным приобретением науки. Но только вместо превращения ртути в золото, как думали они, теория подсказывает нам совершенно обратный метаморфоз; превращение самого золота в ртуть посредством действия эманации радия на раствор какой-либо его соли...»

В другом месте он пишет:

«Нельзя ли расчленить уже сложившиеся атомы обычного гелия на такие же полуатомы посредством действия на них могучими разрядами электричества?»

Обосновывая сущность периодического закона, Морозов построил периодическую систему «карбогидридов», то есть наиболее распространенных органических соединений — углеводородов. Работа над этим привела его к мысли, что обязательно должны существовать химически инертные элементы. Велика была радость Н. А. Морозова, когда несколько лет спустя он узнал, что открыты инертные газы — аргон, неон, криптон и другие.

Н. А. Морозов, сидя в тюрьме, конечно, не имел экспериментальной базы. Некоторые его представления были ошибочными, но тем не менее он во многом опередил своих современников. Это относится не только к химии. Научные предвидения Н. А. Морозова проявились и в астрономии. Еще в 1911 году он публично высказал смелую мысль, что новые звезды возникают в результате взрыва старых светил из-за разложения атомов веществ, ставших радиоактивными. Ныне эта гипотеза разделяется многими астрономами и физиками.

— Трудно оценить все огромное творческое наследие Н. А. Морозова, — отмечает академик С. И. Вольфкович. — Эта задача стоит перед коллективом ученых различных специальностей; выполнение ее будет способствовать обогащению истории нашей науки.

Я желаю...

...чтобы в новом году тысячи тружеников земли стали знаменитыми и прославленными мастерами урожаев.

В. НЕЧИТАЙЛО

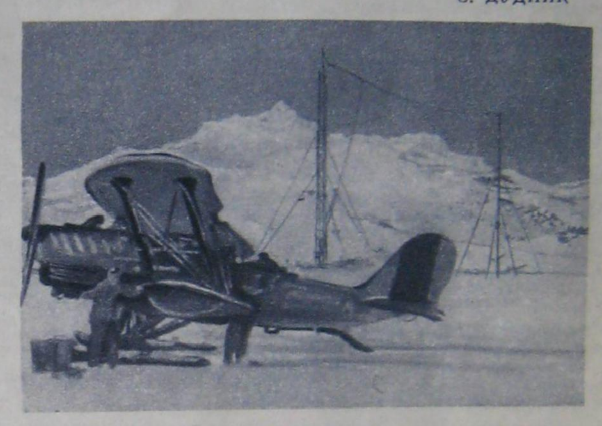
...чтобы свободный созидательный труд красил, радовал и возвышал нового, советского человека.

С. ДУДНИК

...чтобы славная наша столица в наступающем году оделась в зелень многолетних лип и молодых насаждений, чтобы украсил ее новый наряд из цветов и бульваров.

В. БИБИКОВ

...чтобы в 1948 году, как и в прежние годы, продолжалось освоение Арктики советскими людьми с их героическим терпением и отвагой.

Г. НИССКИЙ

КАЛЕНДАРЬ ПРИРОДЫ

Сердце зимы

Дм. ЗУЕВ

Настала студеная пора белых троп в лесу и самых толстых в году синих льдов на реках. Январь, по старинному русскому календарю, — ледовый месяц — просинец (лед-синчик). По древнеславянскому календарю, январь — сечень, месяц лесорубов. В отдаленные времена наши славные предки славяне в этом месяце срубали леса, а затем сжигали их, готовя землю под пашню.

Месяц глубоких сугробов и трескучих морозов.

Редко в просветах облачности фаянсовым осколком сверкнет ясная лазурь. Чаще морозная мгла окутывает горизонт, едва отличимый от волнистого моря снегов... Сугробы — наше богатство: «Много снега, больше хлеба».

Порой разгуляется погода, прояснится небо. К вечеру стынет и звончеет сухой и хваткий морозный воздух. Вызвездит небо.

Ярки звезды январского ночного неба. Натянутый лук созвездия Орион вертикально показывает юг, наклон вправо — юго-запад, влево — юго-восток. Встарину Орион обозначался по карте охотником с мечом на поясе. И современному охотнику это созвездие — ориентир, если облака скрывают Полярную звезду — указку севера. Красная звезда — Бетельгейзе (слева вверху в Орионе) вместила бы Солнце с орбитами трех планет (считая и нашу Землю). Другая, видная простым глазом (справа), белая — Ригель. Самая яркая на всем небе, несравненная по блеску — звезда Сириус, — яснится на юге влево ниже Ориона. На западе красуется серебристая Венера.

«Не к Покрову, а к Петрову дню идет время», прибывают дни, прошло зимнее солнцестояние 22 декабря, миновала самая долгая в году ночь. Раньше всходит, позднее заходит солнце. Но победа света — еще не перевес тепла. Самое студеное время — январь.

Году — начало, зиме — середина — январь. День в гору

Я желаю...

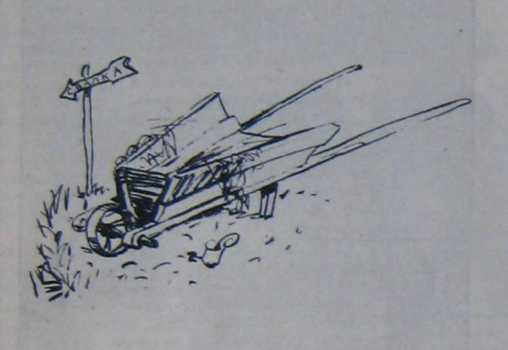
...чтобы природные «парки культуры и отдыха» манили людей своей прелестью в часы досуга.

Н. РОМАДИН

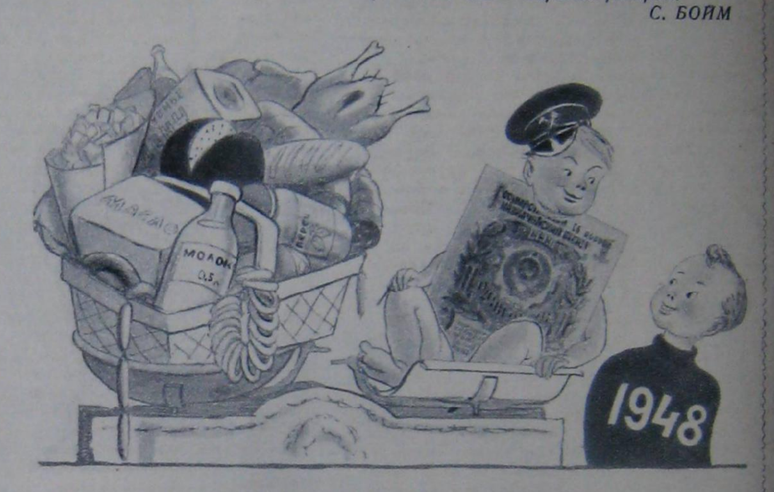
...чтобы гладь тихих рек взбороздили легкокрылые яхты спортсменов и чтобы 1948 год принес советским спортсменам новые мировые рекорды.

С. БОЙМ

...чтобы в 1948 году народы прокатили в этом экипаже всех черчиллей и даллесов—и подальше.

А. КАНЕВСКИЙ

1948 ГОД: — Ты родился всего на две недели раньше меня и уже так хорошо прибавился в весе?

ПОЖЕЛАНИЕ: чтобы так же прибавлялся в весе и в дальнейшем.

Н. СЕМЕНОВ

пошел, а холода еще крепче. По-народному: «Солнце на лето, зима — на мороз».

В конце января иногда прихватывают еще «афанасьевские морозы», 31 января, по народной поговорке: «Афанасий — ломонос — береги нос». Но сильные морозы и особенно иней, по народным приметам, — к урожаю.

День растет. Мороз морозом, а голубой жемчуг высот над белым лесом очень уж ярок и глубок. Глухозимье позади. «Не к Покрову, а к Петрову дню идет время!»

В творчестве русского народа желанный мороз, предвестник урожая, олицетворен в образе деда Мороза, излюбленного героя детских сказок.

Дед Мороз — главное действующее лицо на детских праздниках, на новогодней елке.

...Снег сияет и хрустит, шаги чеканит. Приятен шелковистый треск, упругий скрип атласно-белых зимних троп. Подбадривает эта с детства знакомая походная маршевая музыка мороза: «В мороз и холод всякий молод».

Тихо и глухо в зимнем лесу.

Снежинка за снежинкой бесшумно роятся, летят и задумчиво увиваются вокруг елки. На зеленую еловую ветвь ее мягко опустилась с неба кристально чистая звездочка. Следом, вдогонку, на нее налетела другая такая же шестигранная звездочка. Не плющатся, нежно касаясь друг друга, пышные кристаллы холода. Сверкают искрами. И так осторожно лепятся снежинки на лапник, будто укладывает их заботливой рукой искусный декоратор. Неподражаемо красиво алмазная осыпь снежных звездочек обряжает одинокую елку на краю лесной поляны.

Позолочены солнцем отливающие бронзой мониста шоколадных шишек на макушке. Сверкают звезды кристаллических снежинок. Холодный луч солнца высекает искры, вспыхивают они и зажигаются словно бенгальские огни. Блестки радужных переливов переносят воображение в душистую теплынь иваново-купальной сказочной ночи июля, когда на ветвях ели тоже звездисто мигают аметистовые ивановские светлячки—зеленые глазки леса.

На просторе природы в лесную даль расступаются широкие горизонты. А в плену стен под потолком не осеняет синяя глубь неба домашнюю елку.

На квартире у шумного новогоднего стола смущается в углу застенчивая дикарка—елка,— но все же восхищает взоры веселых гостей, кротко щеголяет вечнозеленой краской колючей хвои. Навешенные на суках гостинцы вдвойне дороже умиленным сердцам восторженных детей.

Свежее дыхание родного леса — смолистый запах — струится, разливается по комнатам и пробуждает наплыв лирических чувств у горожан.

Под открытым небом зимы в морозно-колючем воздухе скупее запах хвои. Зато лесная елка отличается нарядом, не воспроизводимым в городе.

На елке, смотрите, уселась, как нарочно, хохлатая птица с голубыми оплечиями по крыльям. Настоящая «синяя птица». Красивая птица, когда молчит, а крикнет — будто дверь заскрипела. Горласто орет дерябка-сойка. Все секреты леса выдает. Вон она полетела за новостями, а на елку присел какой-то неправдоподобный малиновый голубок, только неуклюжий и коренастый. Флейтовым посвистом окликает он сонную тишину леса. Это шур, гость тайги.

Весельчак-дятел залетел наспех, получил в подарок шишку, оживился, радостно занырял в воздухе, понес добычу на свою кузню.

Примостился на ели красный попугайчик севера — клест, старый самчик. Бодро цокает и, как заводная игрушка, сползает ниже по сукам. И не сидится ему, баловнику, как полагается у людей на елке. Хватко он уцепился ногами за ветку. Словно привязан, потешно вниз головой повис, опрокинулся за чем-то. А так ему удобнее. Крестообразным, перекрещенным клювом он еловую шишку внизу, как штопором, раскубривает, долбит, семя достает.

Беспокойное «цок» — и клест взлетает. Встряхивается белая гиря снега на ветке, рассыпая бриллиантовые искры инея. А на его месте другая, более занимательная живая игрушка в меху цвета остывшего пепла сигары. Белка! Распущенный веер хвоста свесила и своим делом бойко занялась, видно, торопится. Цапнула и изящно держит передними лапками шишку, с аппетитом семечки грызет. Игриво подергивается грациозный зверек, веером развевается пушистый хвост.

С сосны перелетел на елку аспидно-черный, с седыми крапинками глухарь, и на солнце зеленоватым золотом блестит тугой зоб этого реликта первобытной природы.

Глухарь киркнул сдавленно и с громким лопотом крыл снялся спешно аэропланом: ему пора встречать новый год под снегом.

Из деревни на ночлег прилетела сорока, присела на макушку елки и застрекотала: о денных новостях трещоткой судачит белобока-болтунья. Во все стороны повертывается, своим длинным черным с зеленовато-металлическим отливом хвостом вертит. Оглядывается, интересуется, кому охота ее россказни послушать... Никого не видать.

Не дождалась слушателей, снялась с еловой насести сорока и взмыла вверх над лесом, как бы нацелила полет на мигавшую Полярную звезду.

Стемнело. Над елью мерцает яркая красная звезда. И заяц-беляк, неподвижно лежавший днем под елкой, увидел, как подмигнула ему звезда: «Пора на ноги, скоромча!» Острием шпиля елка тянется к звездам.

Сменяются времена года... А елка отстаивает свое время, коротает свой век, тешит взоры людей «зимой и летом одним цветом».

Искры иглистого инея звездятся на ней, перемигиваются с далекими высокоходными звездами. Синеет небесный шатер. Время идет, передвигает, как бы вышивает разные звезды на пологе неба, украшая ночное зрелище елки.

Так стоит в лесу елка, и такою же воображению горожанина представляется на квартире сладко пахнущая душистой хвоей с мороза комнатная елка в позументах вместо инея, с оловянной звездой на макушке и ватой внизу взамен сугроба.

БОЛЬШОЙ КОНЬКОБЕЖНЫЙ СЕЗОН

Беседа с начальником отдела конькобежного спорта Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта В. Н. ЕВДОКИМОВЫМ

Ледяные дорожки, отполированные, сверкающие, прозрачные, готовы принять на свою поверхность скороходов.

4 января в Москве матчем четырех городов—Москвы, Ленинграда, Горького и Свердловска — начинается большой конькобежный сезон. Мы снова увидим на дистанции наших первоклассных ледовых ассов — победителей крупнейших международных и всесоюзных соревнований, мировых рекордсменов и чемпионов страны. Среди участников первого крупного соревнования Иван Аниканов, Мария Исакова, Татьяна Карелина, Владимир Прошин, Николай Петров, Константин Кудрявцев, Игорь Ипполитов, Зоя Холщевникова, Мариана Валовова и многие другие. Тут что ни имя, то яркая страница спортивной борьбы.

Любителям конькобежного спорта памятна встреча Владимира Прошина, сильнейшего многоборца страны, с Иваном Аникановым на первенстве Советского Союза 1947 года. Эта встреча закончилась неожиданным поражением Прошина, победителя всех крупнейших соревнований прошлого сезона. Но в борьбе за звание абсолютного чемпиона Прошин должен был уступить этот титул другому выдающемуся многоборцу — Аниканову, который до этого уже четыре раза выигрывал абсолютное первенство.

Многоборье в конькобежном спорте состоит из четырех дистанций — 500, 1500, 5000 и 10 000 метров. Не каждый скороход может рассчитывать здесь на успех. От соревнующихся требуются разносторонние способности, гармоничное сочетание быстроты и выносливости, уменье побеждать и на коротких и на длинных дистанциях. Прошин и Аниканов — как раз конькобежцы такого склада. И тот и другой хорошо ходят 500 метров, являются сильнейшими на 1500 метров и не уступают нашим стайерам.

Аниканов неудачно выступал последние годы, и его победа над Прошиным для многих была неожиданностью, но те, кто знают этого упорного, много работающего над собой спортсмена, не удивились его успеху.

Николай Петров — выдающийся многоборец Советского Союза, абсолютный чемпион СССР 1946 года — из-за болезни не проявил себя в прошлом сезоне; сейчас он упорно тренируется, и надо рассчитывать, что скажет свое веское слово этой зимой.

Константин Кудрявцев — сильнейший спринтер мира. Он подтвердил свою репутацию и в прошлом сезоне, когда прошел 500 метров за 43,6 секунды. Никто из зарубежных скороходов не мог побить его результат. Сейчас у Кудрявцева появился молодой и сильный противник — Павел Беляев. Еще не так давно Беляев выступал в разряде юношей, теперь он соревнуется с сильнейшими скороходами-мужчинами. У него в прошлом сезоне на дистанции 500 метров было второе время—44,1 секунды.

В беге на 1500 метров лучшее время в 1947 году показал Иван Аниканов — 2 минуты 24,2 секунды. Вторым был Прошин, с результатом на 4 десятых хуже.

Среди наших стайеров первенствовал Игорь Ипполитов. 10 000 метров он прошел за 18 минут 8,3 секунды. Этот скороход стоит в одном ряду с Аникановым, Прошиным, Петровым — лучшими многоборцами страны.

Два года под ряд Мария Исакова уверенно закрепляла за собой звание абсолютного чемпиона страны. В розыгрыше прошлого года вплотную к ней подошла Зоя Холщевникова, занявшая второе место. Бесспорно, что в этом году и с той и с другой будут успешно соревноваться Ольга Акифьева и София Кудрявина — ленинградские спортсменки. Наконец, не сказала еще своего последнего слова мировая рекордсменка на 1500 и 5000 метров — Татьяна Карелина.

На матче четырех городов мы увидим также двух талантливых представителей горьковских скороходов, чемпионов РСФСР 1947 года Геннадия Пискунова и Мариану Валовову. Многого надо ждать от молодых конькобежцев ленинградца Алексея Пискарева и свердловчанки Римы Жуковой.

Как никогда, упорно и напряженно, готовились наши скороходы к нынешнему сезону. Еще в августе началась эта подготовка. Сильнейшие конькобежцы собрались на Рижском взморье, где они тренировались под руководством Константина Кудрявцева. Этот исключительно культурный спортсмен, кончивший в свое время высшую тренерскую школу, стал теперь старшим тренером сборной команды СССР. Кудрявцев — не только конькобежец, но и отличный легкоатлет, в прошлом чемпион страны по пятиборью. Теперь он использовал свои знания в легкой атлетике для подготовки конькобежцев. Первый в нашей практике летний сбор скороходов дал исключительно благоприятные результаты. Когда в декабре сборная команда конькобежцев приехала в Горький, она оказалась прекрасно физически подготовленной и смогла сразу же приступить к напряженной работе на льду.

Еще в то время, когда зима боролась с осенью и катки не могли принять конькобежцев, они тренировались на озерах. Каждый день здесь можно было видеть всех наших лучших скороходов во главе с их тренерами — заслуженными мастерами спорта Е. Летчфордом и В. Ипполитовым, мастерами спорта Е. Соповым и М. Соколовым. Перед каждым конькобежцем были поставлены конкретные задания.

Уже на первых прикидочных соревнованиях были показаны прекрасные результаты. К. Кудрявцев пробежал 500 метров за 43,7 секунды. И. Аниканов прошел 1500 метров за 2 минуты 24,7 секунды.

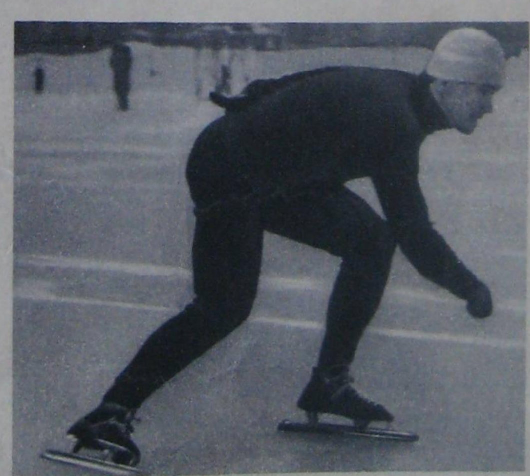
Нынешний конькобежный сезон является большим сезоном не только потому, что наши ведущие скороходы находятся в прекрасной форме, но прежде всего потому, что конькобежный спорт получает сейчас широкое распространение. В этом году впервые проводятся массовые комсомольско-профсоюзные соревнования на простых коньках. В течение всего января по всему Советскому Союзу будут соревноваться десятки тысяч молодых конькобежцев из которых, бесспорно, выдвинутся выдающиеся скороходы.

Во многих городах страны в декабре прошли учебно-спортивные сборы. В Иванове тренировались фигуристы, в Свердловске — конькобежцы «Спартака», в Кирове — конькобежцы РСФСР, в Горьком — скороходы ВЦСПС.

Нынешняя зима будет насыщена целым рядом крупнейших соревнований, которые должны стать большими праздниками для участников и зрителей. В феврале пройдет первенство шести ведомств. Состоится зимняя спартакиада РСФСР, которая по числу своих участников не будет уступать летней спартакиаде, прошедшей с таким успехом в Москве. Будут проведены студенческие соревнования. В Архангельск съедутся лучшие конькобежцы-школьники. Наконец, как и обычно, 12 марта начнется лично-командное первенство Советского Союза. В этом году оно проводится в городе Кирове, который славится своим великолепным льдом и давними конькобежными традициями. После первенства СССР в Кирове будет разыгран в десятый раз приз имени С. М. Кирова.

В прошлом году наши скороходы не имели международных встреч, и нам сейчас трудно судить о степени подготовленности конькобежцев в Норвегии, Финляндии и других странах. Но нам известно, что и за рубежом идет большая подготовка. Предстоит целый ряд больших соревнований. В первой половине января в Хамаре (Норвегия) разыгрывается первенство Европы. 31 января в Сен-Морице (Швейцария) будут проведены зимние олимпийские игры. Мировое первенство по конькобежному спорту состоится в Финляндии — в середине февраля для женщин и в конце февраля для мужчин.

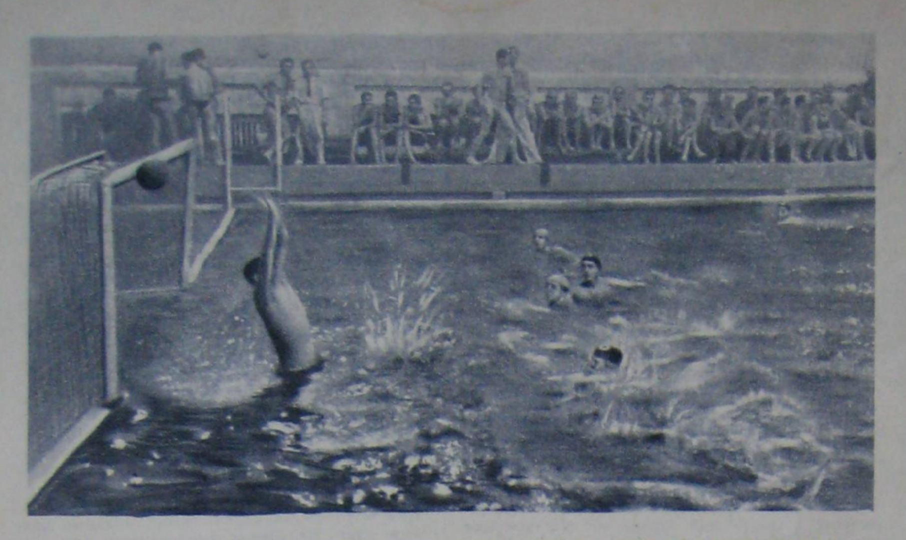
Многочисленные любители конькобежного спорта с нетерпением ждут выхода на лед наших советских скороходов. Наступило время пустить в ход секундомеры. Мы многого ждем от наших конькобежцев в 1948 году. Пожелаем же им хорошего льда и рекордных секунд!

Абсолютный чемпион по конькам 1947 года И. Аниканов. Фото Н. Волкова

Абсолютный чемпион по конькам 1947 года М. Исакова.

Матч в водное поло между командами военно-морских учебных заведений и ленинградским «Динамо» на первенство страны 1947 года.

Фото Дм. Бальтерманца

Водное поло

Трибуны московского плавательного бассейна № 1 в течение семи дней не могли вместить всех желающих посмотреть игру восьми сильнейших команд страны по водному поло на первенстве Советского Союза. Борьбу за первое место вели три первоклассные команды: чемпион страны 1946 года ЦДКА, обладатель Кубка СССР «Торпедо» и команда военно-морских учебных заведений (Ленинград).

Встреча ЦДКА с моряками закончилась вничью со счетом 5 : 5. «Торпедо» проиграла ленинградцам матч со счетом 3 : 4, и, таким образом, судьба первого места решалась встречей «Торпедо» и ЦДКА. Если бы армейцы выиграли у торпедовцев, они бы закрепили за собой звание чемпиона! Но этот острый, насыщенный борьбой матч закончился сокрушительным поражением ЦДКА, со счетом 5 : 2, и, таким образом, команда военно-морских учебных заведений стала чемпионом страны на 1947 год.

Водное поло имеет большую и интересную историю. Монгольская игра в мяч — поло — появилась больше двухсот лет тому назад и затем проникла в Европу. Известна игра в поло на лошадях, на мотоциклах и даже на небольших автомашинах. Характерная черта всех этих разновидностей заключается в том, что игроки используют искусственные средства передвижения. С этой точки зрения, казалось бы, что водное поло не имеет ничего общего со своими «дальними родственниками», ведь в этой игре команды не применяют ни лодок, ни других искусственных средств. Но это название возникло потому, что первые игроки в водное поло использовали во время матча бочки, сидя на которых они гоняли мяч на воде с помощью палок.

С развитием техники плавания бочки и палки оказались ненужными, и пловцы стали перебрасывать мяч по воде руками.

Первый матч в водное поло без применения бочек был разыгран в Лондоне в 1869 году. Тогда игра проводилась без ворот и для победы требовалось только подвести мяч к лицевой линии противника.

Первый матч в водное поло в России состоялся в 1913 году в Москве, в бассейне сандуновских бань, между командами Москвы и Петербурга. Но дальнейшее распространение этой интересной игры было задержано в связи со слабым развитием плавательного спорта. Только после Октябрьской революции, в 1920 году, водное поло стало культивироваться в ряде спортивных клубов, особенно в Ленинграде. Ленинградские пловцы до 1933 года сохраняли свое преимущество, как правило, выигрывая все встречи.

Водное поло — одна из самых трудных спортивных игр. Любой молодой спортсмен может сразу начать играть в футбол, баскетбол или волейбол. Но прежде чем стать игроком в водное поло, надо в совершенстве овладеть техникой самого быстрого способа плавания — кролем — и чувствовать себя на воде так же уверенно, как и на суше. Но даже хорошо тренированные пловцы за два тайма (продолжительность каждого тайма—12 минут) затрачивают не меньше энергии, чем футболист за девяносто минут игры.

Мастер спорта И. ФАЙЗУЛИН

СПОРТИВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Встречи гиревиков и борцов

Советские спортсмены давно уже усвоили мысль, что выдающиеся достижения в спорте принадлежат всесторонне развитым людям. Сейчас уже только карикатуристы по старой памяти рисуют футболистов с гипертрофированными ногами, боксеров с пудовыми кулаками, гиревиков с чудовищными бицепсами. Наши спортсмены, как правило,— наредкость пропорционально сложенные и гармонически развитые люди. Даже те, кто совершенно не разбираются в тонкостях гиревого спорта, в напряженности борцовских схваток, получили истинное удовольствие ,наблюдая прошедшие в Москве междуведомственные соревнования по гирям и борьбе. Это был настоящий парад подлинной мужской физической красоты и силы.

Соревновались ведомства: профсоюзы, промкооперация («Спартак»), Советская Армия, «Трудовые резервы» и внутренние и пограничные войска («Динамо»). Если хотите, это было своеобразным командным первенством страны, потому что на помосте и ковре мы увидели самых выдающихся наших спортсменов.

Можно было бы не сомневаться в победе гиревиков профсоюзов, представленных такими корифеями гиревого спорта, как чемпионы СССР и Европы Я. Куценко, Г. Новак, И. Механик, но каждое из ведомств выставляло не одну, а две команды. Эта система зачета давала большие шансы на победу «Динамо». Третий день соревнования штангистов оказался решающим. Создалось любопытное положение, при котором судьбу первого места решил не представитель «Динамо» или профсоюзов, а третья сторона — представитель Вооруженных Сил. Если бы Ефиму Хотимскому удалось занять не шестое место, на котором он фактически оказался, а встать выше, что можно было ожидать от этого сильного атлета, то представитель «Динамо» отодвинулся бы на одно место ниже и лишил бы свою команду того очка, которое принесло ей победу.

Подавляющее большинство штангистов блеснуло прекрасной формой. Давно уже на наших гиревых соревнованиях не показывались такие выдающиеся достижения да еще в таком количестве. Если не считать полутяжелого веса, где первенствовал, как обычно, Новак, то все корифеи встретили очень сильную конкуренцию. Чемпион СССР и Европы спартаковец И. Аздаров, набравший 300 килограммов, только на 7,5 килограмма обошел представителя ВЦСПС М. Косарева. Такой же просвет у полулегковесов М. Касьяника (330 килограммов) и его одноклубника динамовца Е. Лопатина, причем любопытно, что оба побили знаменитого шведского гиревика Андерсена, который с 320 килограммами завоевал звание чемпиона Европы и мира. Легковес И. Механик (352,5 килограмма) набрал только на 2,5 кило больше В. Светилко. Сюрпризом закончилось соревнование средневесов. Чемпион СССР и Европы Н. Шатов, как и его конкурент Ю. Дуганов, поднял в сумме 372,5 кило, но Дуганов оказался на 300 граммов легче Шатова, и первое место осталось за ним. Даже наш абсолютный чемпион Я. Куценко на этот раз опередил только на 2,5 килограмма своего соперника Н. Лапутина. Абсолютно лучший результат соревнований показал Г. Новак—412,5 килограмма.

В соревновании борцов положение было ясно с самого начала. Команда «Динамо» собрала в своем составе сливки советского борцовского спорта. Даже в ее второй команде мы видели чемпиона СССР Г. Ткаченко. Нетрудно было предсказать победу динамовцам, хотя дело не обошлось без некоторых сюрпризов. Так, чемпион СССР Ткаченко проиграл В. Крутьковскому (вторая команда профсоюзов). Кстати, во встрече этих команд динамовцы едва не лишились победы. Счет был 4 : 3 в их пользу, когда на ковер вышла последняя пара, тяжеловесы Мекокишвили и Плясуля. Эта встреча прошла в редком для тяжеловесов темпе. Плясуля провел блестящий бросок, беспрерывно атаковал, но в конце концов был измотан и брошен на лопатки. Динамовцы — чемпионы СССР и Европы И. Коткас, К. Коберидзе и Н. Белов — провели свои встречи без поражений.

Несмотря на то, что большинство борцов вели схватки очень осторожно, все же ряд встреч порадовал своей живостью. Захватывающей была борьба чемпиона страны Э. Пуусепа с динамовцем С. Марушкиным. Чемпион попытался провести обратный пояс, но сам попался на свой прием. Представитель профсоюзов Н. Бусурин выиграл схватку у одного из сильных борцов, неоднократного чемпиона СССР динамовца Л. Егорова.

А. ВИТ

Уголок натуралиста

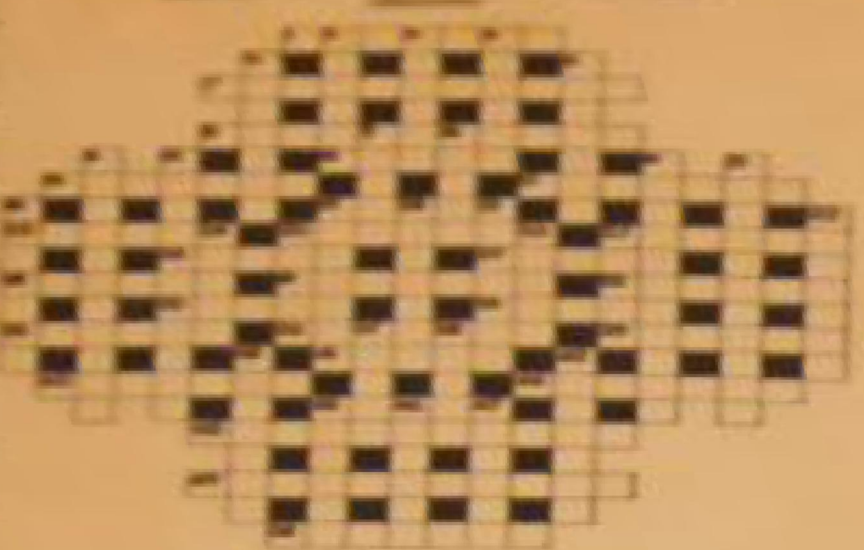

КРОССВОРД

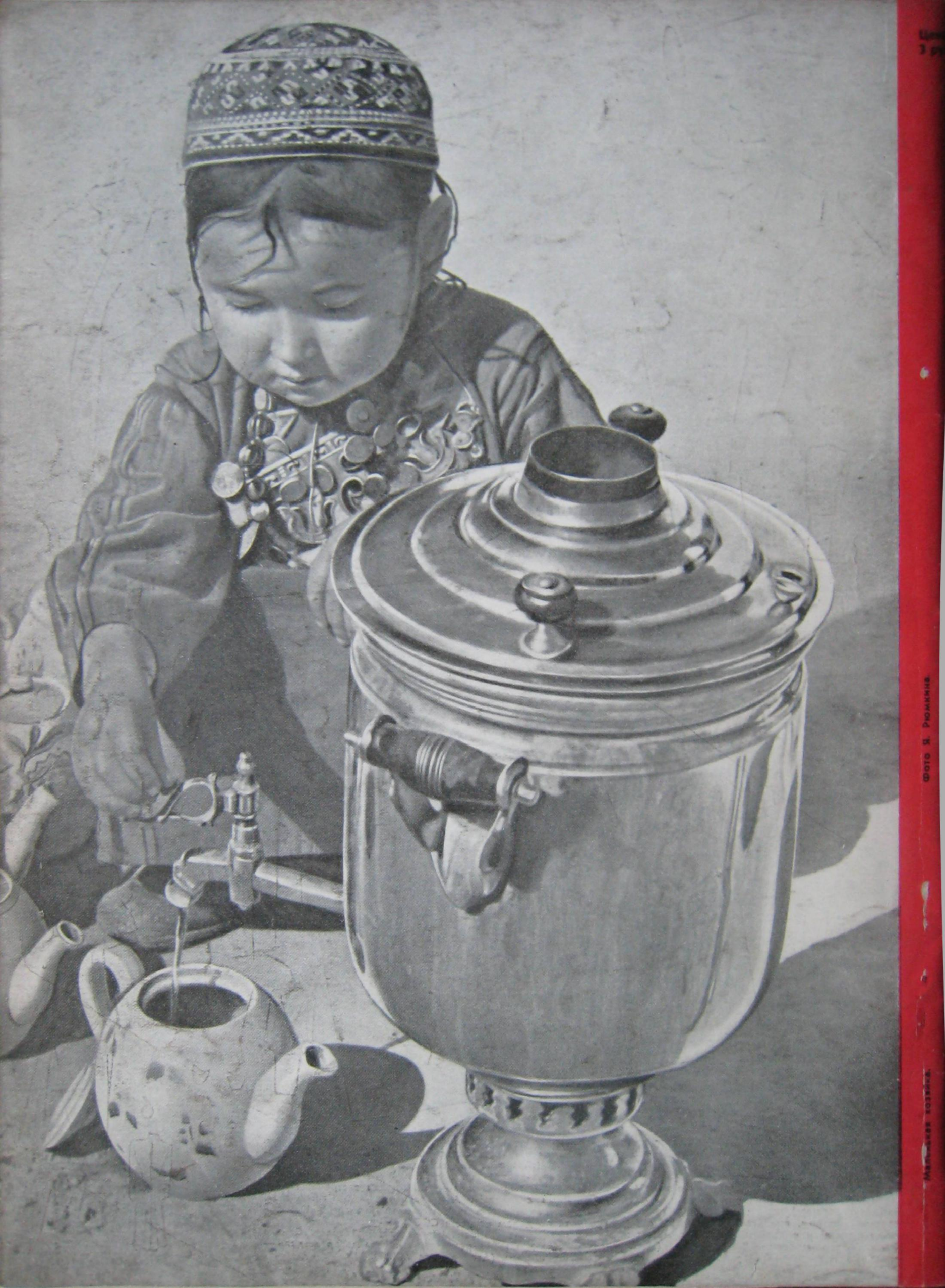

Оформление И. УРАЗОВА

1. Костюм из шерстяной ткани в мелкую клетку с косой кокеткой и клапанами карманов. Автор модели — Ф. Горленкова. (Ателье № 34 треста Мосиндодежда).
2. Платье-костюм из шелковой или шерстяной ткани, отделанное бархатом или блестящим шелком. Автор модели — Д. Писарева. (Экспериментальные мастерские Главунивермага).
3. Шерстяной костюм, прилегающий к талии, с двумя рядами пуговиц и с двойными клапанами над карманами. Автор модели — Д. Писарева. (Экспериментальные мастерские Главунивермага).
4. Костюм из шерстяной ткани, отделанный мехом. Юбка в мелких складках. Автор модели — В. Горовиц. (Московский дом моделей).
5. Платье-костюм из легкой шерсти или шелка. Баска с четырьмя швами и манжеты застрочены мелкими складками. Автор модели — М. Карагодская. (Производственные мастерские Главснаба Комитета по делам искусств СССР).
6. Однобортный костюм из шерстяной ткани. Спинка жакета и юбка расширены книзу. Автор модели — Е. Райзман. (Ателье орса МХАТ).

Маленькая хозяйка.

Фото Я. Рюмкина.